

ISSN 2464-6776

MK ČR E 22428

Vědecký a analytický časopis

SOCIOLOGIE ČLOVĚKA

№ 3 2017

ZAKLADATEL:
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.

Šéfredaktorka – prof. **Nursafa G. Khayrullina**, Ph.D. (profesor v oboru sociologie)

Mezinárodní redakční rada

Marcin Garbat, Ph.D. (doctor v oboru sociologie – Zielona Gora, Polsko)
prof. **Taslima G. Islamšina**, Ph.D. (profesor v oboru sociologie – Kazan, Rusko)
prof. **Čimiza K. Lamažaa**, Ph.D. (profesor v oboru filosofie – Moskva, Rusko)
prof. **Ludmila I. Naydenova**, Ph.D. (profesor v oboru sociologie – Penza, Rusko)
Sergey V. Ryazancev, Ph.D. (doctor v oboru ekonomie,
Dopisující člen Ruské akademie věd – Moskva, Rusko)
doc. **Snežana V. Yavon**, Ph.D. (docent v oboru sociologie – Togliatti, Rusko)

Časopis je indexován podle:

- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)
- CrossRef (USA)

Impact Factor:

- Scientific Indexing Services – 0,75

ISSN 2464-6776
MK ČR E 22428

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2017.

ISSN 2464-6776

MK ČR E 22428

Scientific and analytical journal

SOCIOLOGY OF A HUMAN

№ 3 2017

THE FOUNDER:
The science publishing centre «Sociosphere-CZ»

Editor-in-Chief – Doctor of Sociological Sciences, professor
Nursafa G. Khayrullina

International editorial board

Marcin Garbat, Ph.D. (Zielona Gora, Poland)

Taslina G. Islamshina – Doctor of Sociological Sciences, professor (Kazan, Russia)

Chimiza K. Lamazhaa – Doctor of Sociological Sciences, professor (Moscow, Russia)

Ludmila I. Naydeniva, Doctor of Sociological Sciences, professor (Penza, Russia)

Sergey V. Ryazantsev – Doctor of Economical Sciences, Corresponding Member
of Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russia)

Snezhana V. Yavon, Doctor of Sociological Sciences, professor (Tolyatti, Russia)

The journal is indexed by:

- Russian Science Index (Russia)
- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)
- CrossRef (USA)

Impact Factor:

- Scientific Indexing Services – 0,75

ISSN 2464-6776
MK ČR E 22428

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2017.

OBSAH

AKTUÁLNÍ PROBLÉMY ROZVOJE SPOLEČNOSTI

Yilmayan A.

Narcotic / substance use between young people as a social problem (Van city sample)7

Найденова Л. И., Федосеева О. Ф., Мананникова Ю. В.

Методологические проблемы и результаты независимой диагностики
и социологического мониторинга качества общего образования в регионе16

SOCIOLOGIE A ŽIVOT

Дилмуродов И.

Социальные аспекты толерантности.....30

Кушаев У. Р.

Социальная суть интолерантности34

EKONOMIKA, POLITIKA A LIDÉ

Izuyumov I. V.

Economic and legal review of pretrial insolvency in foreign legislation.....38

Абрамова С. В.

Место и роль биржевых обычаев в системе действующего законодательства.....52

KULTURA, PSYCHOLOGIE A ČLOVĚK

Sadykova H. N.

Value orientations of Russian youth55

Rules for authors.....65

План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана,
Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum

«Sociosféra-CZ» в 2017–2018 годах67

Информация о научных журналах.....70

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» –

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»71

CONTENTS

ACTUAL PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF SOCIETY

Yilmayan A.

Narcotic / substance use between young people as a social problem (Van city sample)7

Najdenova L. I., Fedoseeva O. F., Manannikova Yu.V.

The methodological issues and results of independent diagnosis
and for monitoring quality of general education in the region 16

SOCIOLOGY AND LIFE

Dilmurodov I.

Social aspects of tolerance..... 30

Kushaev U. R.

Social essence of intolerance..... 34

ECONOMICS, POLITICS AND PEOPLE

Abramova S. V.

The place and role of stock exchange practices in the system of the current legislation 38

Izuymov I. V.

Economic and legal review of pretrial insolvency in foreign legislation 52

CULTURE, PSYCHOLOGY AND HUMAN

Sadykova H. N.

Value orientations of Russian youth..... 55

Rules for authors..... 65

Plan of the international conferences organized by Universities of Russia,
Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Kazakhstan, Uzbekistan
and Czech Republic on the basis of the SPC «Sociosphere» in 2017–2018..... 67

Information about scientific journals..... 70

Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 71

AKTUÁLNÍ PROBLÉMY ROZVOJE SPOLEČNOSTI

UDC 316

DOI: 10.24045/sc.2017.3.1

NARCOTIC / SUBSTANCE USE BETWEEN YOUNG PEOPLE AS A SOCIAL PROBLEM (VAN CITY SAMPLE)

A. Yilmayan

*Doctoral applicant
Baku State University
Baku, Azerbaijan*

Abstract. Narcotic/substance use and crime-related issues have become a problem in the world and Turkey and are becoming increasingly widespread especially among the young people. There is a strong relationship between narcotic/substance use and commit an offense. Those people who get this terrible sick addict the youngs in order to get a daily free dosage. Addicted person harms not only to himself/herself but also the environment. These people tend to violate the customs, norms and commit an offense and do not hesitate for negative behaviours such as robbery and murder. Besides the community health, narcotic crimes, which are essentially violating peace and sincerity, both nationally and internationally linked, highly profitable and being created for organizations, engage the public authority very closely and constitute an important agenda item for the internal and external security policies of countries. The aim of this study is to draw attention of the administrative decision-makers on the relationships between narcotics and crime and to take necessary measures on time.

Keywords: narcotics / substance; substance use; crime; violence.

1. INTRODUCTION AND AIM

The beginning of the use of narcotics is very old and has begun with the history of mankind. As in the whole world, the problem of narcotics / substance use in Turkey is defined as a youth problem. It has been found that Narcotics / Substance Use usually start with cigarettes, then alcohol, then volatiles (thinner, bali etc.) or cannabis, and then pass to heavier substances [1, p. 1; 6, p. 88; 11, p. 133]. It has been pointed out that beside the various commitments for the sake of finding these substances or getting the money on this event, they also get into the violence, various crimes, traffic accidents, events that affect school and work life [2, p. 398].

In a study conducted in the United States, 1 out of every 10 people is using any narcotics (23 million people) [3, p. 94]. In 2001, in a study on 12,270 high school students in 9 different countries, the findings of the research revealed that the usage rates in high school students were; Cannabis 3 %, volatile substances 4.3 %, heroin 2.1 %, ecstasy 1.3 % and cocaine 1.2 %. The risk of use in

high school age boys according to girls; 3.7 % for volatile matter, 1.6 % for heroin, 4.7 % for heroin, 5.1 % for ecstasy and 4.6 times more for cocaine. In the high school students who have high income, the risk of using ecstasy is 1.6 times higher than those who have low income. The risk of use when reading in private schools compared to those reading in public schools; 2.6 % for cannabis, 1.8 % for volatile substances, 3.2 % for heroin, 4 % for ecstasy and 3.8 % for cocaine [5, p. 360]. The risk of use among the students who studying in private schools compared to those studying in public schools; 2.6 % for cannabis, 1.8 % for volatile substances, 3.2 % for heroin, 4 % for ecstasy and 3.8 % for cocaine [4, p. 360]. In 2004, Similarly, alcohol use rates in the National Drug Use and Health Questionnaire [5] in the United States were found to be higher in high-income families.

In a study in cooperation with UNODC and Turkish State Institutions, in 2003: life-long use in the age group 16–17 is 50 % for tobacco, 45 % for alcohol, 4.3 % for canna-

bis; 18 % of tobacco, 20 % of alcohol, 2 % of cannabis and 1 % of other substances were found when questioned about their use for the last month [6, p. 27]. In a survey conducted by the Parliamentary Research Commission in 2008, the percentages of smokers who attended secondary education institutions were 15.6 (21.8 % for males and 7.5 % for females), 16.5 % for males (31.5 % for males and 10.6 % for females). And the percentage of drug / stimulant use within the last three months was 2.9 (4.3 % in males and 1.0 % in females) [7, p. 13].

This research is the most comprehensive, first and only study to determine the prevalence of smoking, alcohol and narcotics / substance use, which is a social problem in young people studying in the 10th and 12th grades of the three provincial high schools in VAN. It is aimed to provide information to institutions and organizations interested in this issue.

2. METHOD

This research was applied to 10th and 12th grade high school students with cross-sectional survey method in March 2015–2016, in order to determine the prevalence of substance use and problems of 25 high school students in three central districts. Before the study on the questionnaire, the approval and support of the Governorship of Van and the Provincial Directorate of National Education were taken. A multi-step cluster sampling method was used to select the sample [8, p. 80–100]. For the creation of cluster sample; In the first stage, groups (clusters) were listed according to the number of schools and students in the High-Medium-Low levels were listed according to "TEOG 2015-2016 Base Points" within the three districts of Van Province and 25 high schools were selected by stratified sampling method as the number of schools to be sampled. The number of students to be tested in those high schools was determined according to the density of the 10th and 12th grade students of each high school. Classrooms were selected with a systematic randomization among 25 high schools [25 high schools

133 classrooms (10 classrooms 57 classrooms – 12 classrooms 76 classrooms)] and totally 2907 surveys were conducted. 7 questionnaires were not applied, 86 were not responding and false filling, and 25 students marked the trapping option Zopinol and a total of 118 questionnaires were not able to be assessed (4.06 %). The questionnaire consists of 37 chapters and 12 selected narcotics / substances. Here, age, gender, course success, economic conditions, living conditions, socio-cultural levels of parents; problematic behaviors for high school students (such as escape from the home, gang membership), parental involvement; The frequency of substance use is questioned. For the statistical evaluation of the data, SPSS 22.0 was used, and for the descriptive analyzes, Chi-square (Pearson Chi-Square) statistical test was used. The significance limit for all statistics was accepted as $p < 0.05$ [9, p. 260–274].

3. FINDINGS AND ANALYSIS

The study group totally consisted of 2814 students; 36 of the students did not mark gender section (1.3 %) ,and of the remaining 2778 students 1374 of them were male (49.5 %) and 1404 were female (50.5 %). In the questioned survey item 27, "all 12 items "were evaluated as 'Narcotics / Substance" in this survey. 36 of all high school students did not mark the substance part and at least one substance use rate according to the sex was found as 2778, and 846 students in total, 552 of them male (19.9 %) and 294 female (10.6 %). When Tables 2, 3 and 4 are examined; 40 % of the males (552) and 20 % of the females (294) stated that they used substance. While 59.8 % (822) of males stated that they did not use substance, this rate is 79.1 % (110) in females. According to this, the substance use rates of men are significantly higher than the substance use rates of women ($p = 0.000$).

858 (30.5 %) of the students stated that they used drugs at least once in their lives, and 1956 (69.5) stated that they did not use them. If high school students classified according to least once substance use rates; alcohol use rate 214 (7.6 %), cannabis use 100

(3.6 %), eczema use 43 (1.5 %), use of thinner 82 (2.9 %), the use of akinetone was 26 (0.9 %), the use of cocaine was 42 (1.5 %), the use of heroin was 36 (1.3 %), the use of amphetamine was 25 (0.9 %), green prescription use was found in 32 (1.1 %) and other use was found as 20 (0.7 %).

Groups (clusters) created according to "High-Medium-Low Level" according to TEOG 2015-2016 Base Points; At least once substance use rates in total; 240 (8.5 %) in the upper groups, 297 (10.6 %) in the middle groups and 321 (11.4 %) in the lower groups. Even if there is an increase in groups from the upper to lower ones among the three groups of schools that are created according to the school TEOG base scores, but no important significance is seen.

When we evaluate substance use rate distributions according to their classes; Cigarette, alcohol, cannabis and ecstasy use were significantly higher in 12th grade than in 10th grade; all the other narcotics / substance use was significantly higher in the 10th grade than in the 12th grade.

When substance use of students is evaluated by binary chi-square analysis according to income level; Generally, as the monthly incomes of the families increase, the narcotic / drug use rate of the students is significantly increasing according to the families with low income.

When we examine the result rates of substance use analysis of the physical violence to student by the parents; It was determined that the rate of narcotic / substance use increased the parental physical violence significantly (57.1 % of physical violence, 25.8 % of non-violent)).

When narcotics / substance use rates are assessed by binary chi-square analysis in terms of attitudes and behaviors of family against the student; It has been determined that the fact that the family is indifferent, repressive, authoritarian or over-obedient, causes a significant increase in narcotic / substance use rates in the students, and that the family is apathetic, causes a significant increase in narcotic / substance use rates compared to their interest and support.

When the students who are examined for survey are evaluated according to the educational status of their parents; there was a significant increase in narcotic / substance use rates as mother's educational level increased, and according to the assessment of the educational status of the father; there was a significant increase in the narcotic / substance use rates as the father's educational level increased, except for his father's literacy status.

When we look at the change between the rate of substance use and escape from school or home; it was found that narcotic / substance use rates were significantly higher among those who escaped from school (43 %) or from home

(68.9 %) compared to did not escape from school (7.8 %) or from home. It was determined that the student who used narcotics / substance at least once in their lifetime had a higher rate of disciplinary punishment in school (61.1 %) than students who did not use narcotics / drugs (23.8 %). When we assess the substance use rates and students who has at least one time substance use during their lifetime and having a legal problem; when we compare students (68 %) who report a legal problem and students (27.8 %) who did not report legal problem; the use rates of narcotic substances were significantly higher.

When the substance use rates were assessed with social problem behaviors, the use rates of all the substances, the students who answered "yes" to the questions of being in social problem behaviors were significantly higher than the students who gave "no" answer to this question. High school students who participating in the study stated that they used substance; 65,4 % of the students had escaped from school, 13,1 % had escaped from the home, 18,9 % had received disciplinary punishment, 7,4 % had a legal problem, 11,6 % 9.5 % were members of a gang (table 6). It can be said that, in all social problematic behaviors, the use rates of all narcotics / substances was found to increase.

4. DISCUSSION

In our study, the most used substances in all three student groups were cigarettes, alco-

hol and cannabis. Smoking, alcohol, cannabis and ecstasy use rates in 10th grade students were found significantly higher than Grade 12th grade students in high school. However, it was determined that in all substances use rates in 12th grade students except smoking, alcohol, cannabis and ecstasy use, were significantly higher than 10th grade students.

Research conducted by Ögel and ark. with SAMAY in 1998 was carried out on 10th grade high school students. The study has importance that it includes Van Province in the same research that was done earlier. The prevalence of life-time substance use in the survey was found as follows: Volatile substances 8.6 %, Cannabis 3.5 %, Sedative Hypnotic 3.2 % and Heroin 1.6 %. The cities which have the most common life-time cannabis use are İzmir (4 %), Istanbul and Diyarbakir (3.6 %), Mugla (3.4 %), Antalya (3.2 %) and Adana (3.1 %). Malatya (0.5 %), Sivas and Van (1.9 %) were cities that have the least life-time cannabis use. The most common cases of volatile substance use were found in Mugla (12.8 %), Kocaeli (12.6 %), Sivas (12.4 %), Eskisehir (11.8 %), Antalya (11.2 %) and İzmir (11.1 %) [10, s. 62].

When our study data were evaluated, the prevalence of narcotic substance usage at least once in life-time was found as follows: The most commonly used substances are alcohol with 29.3 % cigarettes (7.6 %). Then the order continues with cannabis (3.6 %), thinner-bally (2.9 %) cocaine and ecstasy (1.5 %), heroine (1.3 %), green prescription (1.1 %), akinetone, amphetamin and captagon 0.9 %, respectively. As in the all of Turkey, the frequency of cannabis use in the study of "Ögel and arks." with SAMAY in 1998 increased in our study. However, students were found lower at the least once substance use during life-time compared to this comprehensive data of 1998 in Turkey.

More than 100,000 students participated in the data collection study of the European School Survey Project (ESPAD) for the Use of Alcohol and Other Narcotic Drugs (narcotics) in 2007, and with an average of 58 % of students aged 15-16 in participant coun-

tries reported that they smoked at least once, and 1/3 of students reported that they used alcohol once during their life-time and 23 % of boys and 17 % of the girls reported illegal drug testing at least once in their lifetime [11].

The alcohol use rates in our study were similar to this study, but the rates of smoking and illegal substances were lower than this study. The majority of students who tested illegal drugs in this study used cannabis. In our study, the most used substance is ecstasy. While lifetime cannabis use was reported by 19 % of students in the ESPAD study, 7 % tested one or more of the other drugs in index. Ecstasy, cocaine and amphetamines are closely following each other (3 % each), with less reported amphetamine, cocaine and heroin (1–2 %) [11]. When ESPAD's 2007 data is compared with our data; cigarette, cannabis, heroin, cocaine, LSD and ecstasy use rates are quite high in European countries and alcohol use rates are similar.

In ÖGEL and arks. study, in which they involved 7341 high school students they found that 65,1 % of the students smoked at least once during their life-time and in our study this rate is 29,3 %. In this study, llife-time cannabis use was 3.6 %, stimulant use was 8.6 % and volatile substance use was 3.3 %. In our study, the rates of use of these substances as point prevalence were lower than this study [12, p. 243–244]. Again, in a study by "Ögel and ark" in Turkey's 9 large cities, life-time ecstasy use rate was found as 2.5 %. This rate is higher when it is compared to our study. If we think that these studies were carried out in the high schools in Istanbul, we can say that this difference is due to differences in the sociological structure between the cities [13, p. 112–118].

According to the data of 2010 National Health and Social Care Information Center (NHS), the most commonly used illegal substance was cannabis (6.6 %), and then powder cocaine with 2.4 % [14]. The most widely used illegal substances in Europe and America are volatiles and cannabis [15, p. 301–303]. Similarly, the most commonly

used illegal substance in our study was cannabis (3.6 %), the second most common was thinner (2.9 %).

Within the scope of the Youth Survey in 2004, in the study conducted on 10th grade high school students in Istanbul, the substance with the highest prevalence of use at least once was alcohol with 51.2 %. Alcohol is followed by tobacco (37 %), volatile substances (5.9 %) and cannabis (5.8 %), respectively [16, p. 18–23]. However, the frequency of use was found lower in our study. That is, in our study, the most used substances in 10th grade high school students are cigarettes (13.1 %) and alcohol (2.7 %). This is followed by cannabis (1.5 %), thinner (1.5 %) and heroin and cocaine (0.8 %). According to alcohol and illegal drug use report in teenagers aged 12–17 in the US, alcohol use rates were 40 % for women, 38 % for men, smoking use rate 40 % for men, for women 39 %, cannabis use, 23 % for women and 20 % for men. The rate of substance use in this study is approximately similar between men and women [17, p. 1–23]. In our study, smoking, alcohol and cannabis use were significantly higher in males than females.

According to the UK NHS data, in young adolescents between the ages of 16 and 24, illegal substance use was found as 11.9 % for males and 5.4 % for females [18]. In our study, the rate of use of almost all illegal substances is significantly higher in males than females.

According to data of European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction (EMCDDA) in 2009, it has been reported that life-time cannabis use among the 15–24 years old boys are twice at least compared to the girls, and intensive use habits are more common among younger men [19, p. 11–16]. In our study, cannabis use was found about 6 times higher in males than females. This is due to the social and cultural characteristics of the area.

In a study by Ögel and ark in 1996, smoking use was found as 62.4 % for female students and 67.3 % for male students. Alcohol consumption in a last month was found as 11.8 % for girls and 23.5 % for boys. Life-

time cannabis use rates were 2.2 % for female students and 4.9 % for male students [20, p. 12–23]. In our study, use rates in high school students during their life-time; smoking was found significantly higher in males than females; Smoking 19.2% in females, 10.1 % in females, alcohol use 5.7 % in males, 1.8 % in females, cannabis use 3.1 % in males and 0.5 % in females. Here, it is thought that the high difference between men and women is due to the men's traditions and customs.

According to 2010 Follow-up Reports on Drug Use in American Adolescents; Alcohol use was found as 58.2 % for the 10th class, 71 % for the 12th class, smoking 33 % for the 10th class and 42 % for the 12th class. Cannabis use was 33.4 % in the 10th grade, 43.8 % in the 12th grade, Volatile use 12 % in the 10th grade and 9 % in the 12th grade [21]. The substance use rate in this study is higher than ours. Similarly, substance use rates are significantly higher in high school 12th grade students compared to 10th grade high school students. These differences in our study are consistent with other studies that indicate the substance use rates are increasing with age.

In a questionnaire applied to 8402 high school students in Edirne in 2011, the highest prevalence of at least once substance use is smoking with 35.7 % in the data obtained in 12th grade of high school students. The alcohol is 28.6 %, cannabis is 3 %, and volatile substances are 1.9 %. In our study, substance with the highest prevalence of at least once use is smoking with 16.1 %. Alcohol is 4.9 %, cannabis is 2.0 %, and volatile substances are 1.4 % respectively [22, p. 36]. However, the frequency of use was found lower in our study. Considering that study in Edirne is made in 2011, the reason for the low utilization rates of all other substances except smoking in our work in 2016, it is thought that this may be due to increased awareness of the measures taken and the dependence on this area, the differences in the methods of research in this area, and the social and cultural structure differences between the cities.

In this study, smoking, alcohol and narcotics / substance use were assessed with high school students with a risky period. The study was done by the questionnaire forms filled by the individuals themselves, which may sometimes be a limitation of the reliability of the data. In our research, the three provinces of Van and its' 10th grade and 12th grade students in 25 high schools were questioned. The aim was to target students whose age distributions are close to each other. It is important to taken measures by related administrators to increase the awareness of alcohol, cigarettes, cannabis and other narcotics / substances that are determined to have high usage rates especially in our region in order to reduce the risk of adolescence / youth from the point of substance use by looking at the findings.

5. CONCLUSION AND RECOMMENDATIONS

The Drug Problem is in a rapid increase in Turkey compared to the US and European countries. Similarly, in Van Province, the Narcotic / Substance Problem is at a lower level compared to the western provinces of Turkey and there is also a rapid increase here.

In this study, as a result:

- Smoking, alcohol and cannabis use rates of 12th grade students were significantly higher than 10th grade high school students.
 - All other narcotics / substance use rates, especially smoking, alcohol and cannabis were significantly higher in males than females.
 - Smoking and alcohol use were found higher in families with high income levels.
 - It has been determined that the high educational level of the mother significantly increases the narcotic / substance use rates.
 - It has been determined that the parents who are indifferent, not adequately supportive, and physical violence to their children is associated with increase in smoking, alcohol and other narcotic / substance use rates.
 - It has been found that social problem behaviors (escape from school and home, getting disciplinary punishment, cutting-drilling tool transportation, gang membership, legal problems) in high school students are parallel to increase in smoking, alcohol and other narcotics / substance use rates.
- Suggestions:
- Protection and prevention activities for the youth should be applied more at the beginning of high school; their awareness should be increased about the dangers of smoking, alcohol and narcotics / substance use by creating more opportunities for leisure activities and peer education environments should be provided within the social clubs that students create themselves.
 - The use of one of the narcotics / substances causes the risk of use another substances. So, especially, since cigarettes and alcohol are regarded as a step to narcotics / substances, they have to be given an emphasis on this issue.
 - The improvement of the social-economic conditions is a both risk factor and protective in narcotics / substance use. The youngs have to be kept under control economically, and they should be limited, if it is necessary.
 - Positive family attitudes have primary importance; emphasis should be placed on family education regarding the importance of protecting borders and balances in parent-child relationships.
 - Considering the effects of advertisements on the society, it should be paid attention to advertisements of institutions and organizations, and country-based necessary measures (-for example prohibition on beer-) should be taken on this issue and also necessary educational programs should be planned.
 - A three-dimensional study involving extension of treatment and rehabilitation opportunities with supply and demand reductions related to narcotics/ substance.

- The issue should be included in development plans at national and international level that exist to control or destroy the trade and smuggling of narcotics, and they should cooperate with these combating institutions with full sensitivity, seriousness and determination, and they should be in closer coordination.

In Van, our workplace, the results are gratifyingly low. But we can not say there is nothing at all. After this, it is important to keep the fixation studies periodically and to update the solution proposals.

SUMMARY

Narcotic/substance use and related behaviours in adolescents/youth are very important social problem for the future society. Adolescents/youth is considered to be the most risky period for testing the narcotic/substance use. Therefore, most of the studies on alcohol and narcotic/substance use focus the more on vulnerable period of adolescent /youth.

In this study, the aim is to determine the prevalence alcohol, cigarette and narcotic/substance use in adolescents/youth who are studying in 10th and 12th grades of 25 high schools in Van province's three central districts.

The study was carried out with the practice of questionnaires on 2814 students who are studying in 10th and 12th grades of 25 high schools in three central districts of Van province.

The prevalence of smoking, alcohol and cannabis use is significantly higher in 12th grades compared to 10th grades in high schools. Smoking, alcohol, cannabis and other narcotic/substance use rates among students were higher than in males than females.

The alcohol use rates are significantly higher in the high school students whose mothers with high education level.

It has been found that the rate of alcohol use, tobacco and other substances is higher in the students who do not get enough support from their parent, who cannot agree with their parents, who perceived the family attitude as an authoritarian-repressive, irrelevant

and overly watchful, and who are exposed to violence.

It has been found that there is an increase in the use rates of almost all substances in those who with social problem behaviours such as gang membership, cutting-drilling tool transportation, escape from school, and escape from home, legal problems, disciplinary problems.

This narcotic/substance use study on high school students is related both with parents' intra-familial relationships, parental attitudes and behaviours, educational status, economic status and social and environmental factors such as the students' social problem behaviours and the presence of narcotics/drug users.

Bibliography

1. Demirhan, H. (1999) Denizli İli, Tavas İlçe Merkezinde Yer Alan Ortaöğretim Öğrencilerinde Sigara, Alkol Ve Uçucu Madde Kullanımı. Yüksek Lisans Tezi. Pamukkale Üni. Sağlık Bilimler Enstitüsü, Halk Sağlığı A.B.D., Denizli-1999.
2. Dönmez, S. (1981). Kriminoloji. İstanbul.
3. Dökmeci, G., Saltık A., dökmeci İ. (1988-1990.) Edirne Merkezinde Halkın Uyuşturucu ve Non-Medikal İlaç Kullanımı Epidemiyolojisi: Trakya Üniversitesi Tıp Fakültesi Dergisi, 5,6,7 (Bileşik Sayı), s. 94.
4. Özmen, F., Kubanç, Y., (2013) Liselerde Madde Bağımlılığı: Mevcut durum ve önerilere ilişkin okul müdürleri ve öğretmenlerin bakış açıları. Turkish Studies - International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic Volume 8/3, Winter, Ankara.
5. Johnston L. D, O'Malley P. M, Bachman J. G., Schulenberg J. E. Monitoring the future national results on adolescent drug use: Overview of key findings, 2010. (NIH Publication No.10-7585).Bethesda, MD: National Institute on Drug Abuse.
6. Güler, A. (2008) Ege Üniversitesi Hazırlık Sınıfı Öğrencilerinde Tütün, Alkol, Madde Kullanımı ve Sosyo-Ekonomik Düzey Etkisi. Doktora Tezi, İzmir.
7. Ünüvar, N. (2008), Madde Kullanımı ve Bağımlılığı ile Kaçakçılığının Önlenmesi Alanlarında Tespit Edilen Sorunlar ve Çözüm Önerileri, Ankara: TBMM Meclis Araştırma Komisyonu "Raporu".
8. Büyüköztürk Ş. ve Ark. (2014) Bilimsel Araştırma Yöntemleri. Pegem Akademi Yayınları, Ankara, s. 80-100.

9. Balci, A. (2015) Sosyal bilimlerde araştırma Yöntem, Teknik ve İlkeler. Pegem Akademi Yayınları, Ankara, s. 260–274.
10. Ögel, K., (2005) Madde kullanım bozuklukları epidemiyolojisi. Türkiye Klinikleri J Int Med Sci 2005, C.I, Sayı:47, s. 61–64
11. Espad (2007), Substance Use Among Students in 35 European Countries, Stockholm, Retrieved January 8, 2012.
12. Ögel K., Tamar D., Evren C., Çakmak D. (2000) İstanbul'da Lise Gençleri Arasında Sigara, Alkol Ve Madde Kullanım Yaygınlığı. Klinik Psikiyatri, C. 3, s. 242–245
13. Ögel K., Çorapçıoğlu, A., Sir, A., Tamar, M., Tot, Ş., Doğan, O. ve Ark. (2004) Türkiye'de Dokuz İlde İlk ve Ortaöğretim Öğrencilerinde Tütün, Alkol ve Madde Kullanım Yaygınlığı. Türk Psikiyatri Dergisi, 15:112-8.
14. The NHS Information Centre, Lifestyles Statistics. Statistics on Drug Misuse: England 2015. http://www.ic.nhs.uk/webfiles/publications/Health_Lifestyles/Statistics_on_DrugMisuse_England_2010.pdf.
15. Ögel, K., Tamar, D., Çakmak, D. (1998) Madde Kullanımı Sorununda Türkiye'nin Yerine Bir Bakış. Türk Psikiyatri Dergisi, 9: 301-307.
16. Ögel, K., Taner, S., Eke, Cy. (2006) 10. Sınıf Öğrencilerinin Tütün, Alkol ve Madde Kullanım Yaygınlığı: İstanbul Örneği. Bağımlılık Dergisi, 7:18-23.
17. Fryar C. D., Merino M. C., Hirsch R., Porter K. S. Smoking, alcohol use, and illicit drug use reported by adolescents aged 12-17 years: United States, 1999-2004. Natl Health Stat Report 2009;(15):1-23.
18. The NHS Information Centre, Lifestyles Statistics. Statistics on Drug Misuse: England 2015. http://www.ic.nhs.uk/webfiles/publications/Health_Lifestyles/Statistics_on_DrugMisuse_England_2010.pdf.
19. Emcdda Avrupa Uyuşturucu Raporu, 2009.
20. Ögel, K. & Tamar, D. (1996), Uyuşturucu Madde-ler ve Öğrenci Anketi Bulguları, İstanbul: AMATEM- Özel Okullar Derneği Yayını, syf. 12-23.
21. Johnston LD, O'Malley PM, Bachman JG, Schulenberg JE. Monitoring the future national results on adolescent drug use: Overview of key findings, 2010. (NIH Publication No.10- 7585). Bethesda, MD: National Institute on Drug Abuse.
22. Çakır, D.(2011).Edirne'deki liselerde ve Trakya Üniversitesi öğrencilerin- de alkol ve psikoaktif madde kullanımının yaygınlığı. Uzmanlık Tezi. Edirne.
- erinde Sigara, Alkol Ve Ucucu Madde Kullanımı. Yüksek Lisans Tezi. Pamukkale Uni. Sağlık Bilimler Enstitüsü, Halk Sağlığı A.B.D., Denizli- 1999.
2. Donmezer, S. (1981). Kriminoloji. İstanbul.
3. Dokmeci, G., Saltık A., dokmeci İ. (1988–1990.) Edirne Merkezinde Halkın Uyuşturucu ve Non-Medikal Ilac Kullanımı Epidemiyolojisi: Trakya Üniversitesi Tıp Fakültesi Dergisi, 5, 6, 7 (Bilesik Sayı), s. 94.
4. Ozmen, F., Kubanc, Y., (2013) Liselerde Madde Bağımlılığı: Mevcut durum ve önerilere ilişkin okul müdürleri ve öğretmenlerin bakış açıları. Turkish Studies - International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic Volume 8/3, Winter, Ankara.
5. Johnston L. D, O'Malley P. M, Bachman J. G., Schulenberg J. E. Monitoring the future national results on adolescent drug use: Overview of key findings, 2010. (NIH Publication No.10-7585). Bethesda, MD: National Institute on Drug Abuse.
6. Guler, A. (2008) Ege Üniversitesi Hazırlık Sınıfı Öğrencilerinde Tütün, Alkol, Madde Kullanımı ve Sosyo-Ekonomik Düzey Etkisi. Doktora Tezi, İzmir.
7. Unuvar, N. (2008), Madde Kullanımı ve Bağımlılığı ile Kacakçılığının Önlenmesi Alanlarında Tespit Edilen Sorunlar ve Çözüm Önerileri, Ankara: TBMM Meclis Araştırma Komisyonu "Raporu".
8. Buyukozturk S. ve Ark. (2014) Bilimsel Araştırma Yöntemleri. Pegem Akademi Yayınları, Ankara, s. 80–100.
9. Balci, A. (2015) Sosyal bilimlerde araştırma Yöntem, Teknik ve İlkeler. Pegem Akademi Yayınları, Ankara, s. 260–274.
10. Ogel, K., (2005) Madde kullanım bozuklukları epidemiyolojisi. Türkiye Klinikleri J Int Med Sci 2005, C.I, Sayı:47, s. 61–64.
11. Espad (2007), Substance Use Among Students in 35 European Countries, Stockholm, Retrieved January 8, 2012.
12. Ogel K., Tamar D., Evren C., Cakmak D. (2000) İstanbul'da Lise Gençleri Arasında Sigara, Alkol Ve Madde Kullanım Yaygınlığı. Klinik Psikiyatri, C. 3, s. 242–245.
13. Ogel K., Corapcioglu, A., Sir, A., Tamar, M., Tot, S., Dogan, O. ve Ark. (2004) Türkiye'de Dokuz İlde İlk ve Ortaöğretim Öğrencilerinde Tütün, Alkol ve Madde Kullanım Yaygınlığı. Türk Psikiyatri Dergisi, 15:112-8.
14. The NHS Information Centre, Lifestyles Statistics. Statistics on Drug Misuse: England 2015. http://www.ic.nhs.uk/webfiles/publications/Health_Lifestyles/Statistics_on_DrugMisuse_England_2010.pdf.
15. Ogel, K., Tamar, D., Cakmak, D. (1998) Madde Kullanımı Sorununda Türkiye'nin Yerine Bir Bakış. Türk Psikiyatri Dergisi, 9: 301-307.

Bibliography

16. Ogel, K., Taner, S., Eke, Cy. (2006) 10. Sinif Ogrencilerinin Tutun, Alkol ve Madde Kullanım Yaygınlığı: Istanbul Orneklemleri. Bagimlilik Dergisi, 7:18-23.
17. Fryar C. D., Merino M. C., Hirsch R., Porter K. S. Smoking, alcohol use, and illicit drug use reported by adolescents aged 12–17 years: United States, 1999–2004. Natl Health Stat Report 2009;(15):1-23.
18. The NHS Information Centre, Lifestyles Statistics. Statistics on Drug Misuse: England 2015. http://www.ic.nhs.uk/webfiles/publications/Health_Lifestyles/Statistics_on_DrugMisuse_England_2010.pdf.
19. Emcdda Avrupa Uyuşturucu Raporu, 2009.
20. Ogel, K. & Tamar, D. (1996), Uyuşturucu Madde-ler ve Öğrenci Anketi Bulguları, Istanbul: AMATEM- Özel Okullar Dernegi Yayini, syf. 12-23.
21. Johnston L.D., O'Malley P.M., Bachman J.G., Schulenberg J.E. Monitoring the future national results on adolescent drug use: Overview of key findings, 2010. (NIH Publication No.10- 7585). Bethesda, MD: National Institute on Drug Abuse.
22. Cakir, D. (2011).Edirne'deki liselerde ve Trakya Universitesi ogrencilerin- de alkol ve psikoaktif madde kullaniminin yayginligi. Uzmanlik Tezi. Edirne.

© Yilmayan A., 2017.

УДК 373.1

DOI: 10.24045/sc.2017.3.2

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
И РЕЗУЛЬТАТЫ НЕЗАВИСИМОЙ ДИАГНОСТИКИ
И СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА КАЧЕСТВА
ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНЕ**

Л. И. Найденова

Доктор социологических наук, профессор

ORCID: 0000-0002-7386-3697

О. Ф. Федосеева

кандидат экономических наук, доцент, ректор

ORCID: 0000-5913-0665

Ю. В. Мананникова

*Институт регионального развития
Пензенской области, г. Пенза, Россия*

*кандидат социологических наук, доцент
директор центра мониторинговых исследований*

качества образования

ORCID: 0000-0003-1990-3499

*Институт регионального развития
Пензенской области, г. Пенза, Россия*

**THE METHODOLOGICAL ISSUES AND RESULTS
OF INDEPENDENT DIAGNOSIS AND FOR MONITORING QUALITY
OF GENERAL EDUCATION IN THE REGION**

L. I. Najdenova

Doctor of Sociological Sciences, professor

ORCID: 0000-0002-7386-3697

O. F. Fedoseeva

Candidate of Economical Sciences

assistant professor, rector

ORCID: 0000-5913-0665

Yu.V. Manannikova

*Institute of regional development
of the Penza region, Penza, Russia*

*Candidate of Sociological Sciences,
assistant professor, director of the Center
for Monitoring the Quality of Education*

ORCID: 0000-0003-1990-3499

*Institute of regional development of the Penza region
Penza, Russia*

Abstract. The purpose of this article is to clarify the content of the basic concepts, criteria, indicators of the quality of General education in the regional society of contemporary Russian society. The authors presented a matrix outlining the main areas of research the quality of General education, is substantiated by sociological criteria of quality of General education. Methodological tools for monitoring quality of General education was used by the authors on the basis of educational institutions of the Penza region (January – November 2016). The revealed correlation between the quality of schools and types of schools, as well as financial security of the families of students. Developed recommendations for monitoring the quality of General education for the educational institutions in the region of the Russian Federation.

Keywords: quality of education; region; educational organization; regulation; monitoring; diagnostics.

Эффективное управление качеством общего образования возможно только на основе системы сбора достоверной и объективной информации о технологиях об-

разовательного процесса и его результатах. На результаты обучения влияют разные факторы, относящиеся к организации процесса обучения и к обеспечению шко-

лы ресурсами. Информация о данных факторах важна для интерпретации образовательных результатов. В этой связи необходимо проведение независимой диагностики уровня освоения обучающимися учебных программ и социологического мониторинга мнения участников образовательного процесса.

При этом возникают следующие методологические проблемы.

- Разработка категориального аппарата. Качество образования в основном исследовано в педагогическом аспекте, но это мало связано в социологическим смыслом данного понятия. Качество образования не сводится только к уровням полученных знаний, поскольку содержание образования значительно шире, ведь образование является своеобразным каналом для социальной вертикальной мобильности, предоставляет возможности для выбора и занятия определенного социального статуса, и является неотъемлемым признаком социального статуса. Предстоит уточнить качество образования в социолого-педагогическом смысле.
- Выбор надежных показателей (индикаторов) оценки качества для измере-

ния не только собственно качества, но и для определения факторов, влияющих на качество образования, которые могут вызвать тенденции изменения качества.

- Выбор эффективных методов и техник исследования качества в результате обоснования критериев качества образования.

Выявление связи между результатами внешней оценки учебных достижений обучающихся и факторами, определяющими качество образования, позволяет также спрогнозировать результаты образовательного процесса. Данная информация, собранная и проанализированная в масштабе отдельных регионов, может послужить основой для принятия обоснованных управленческих решений в сфере образования. Это позволит внести коррективы в процесс подготовки обучающихся и переориентироваться на новые образовательные результаты.

Выделим основные направления обзора литературы, которые относятся к методологической стороне поставленной проблемы и зафиксируем их в виде матрицы (таблица 1).

Таблица 1

Матрица с описанием основных направлений исследований качества образования

Сущность, авторы	Содержание	Комментарий
Основные понятия, раскрывающие содержание качества общего образования.		
С. Э. Александрова [1]. Качество образования	Совокупность существенных свойств и характеристик результатов образования, которые способны удовлетворить потребности общества, заказчиков образования и самих обучающихся	Выражен социологический смысл понятия качества общего образования
Л. Шатковская [13, с. 25]. Качество образования	Качество – это способность организации достигать результата, необходимого потребителю, а также это свойство не продукта, а организации, организационных условий	Социолого-управленческое содержание качества общего образования
А. Г. Бермус, Л. Л. Кайнина [2; 4]. Качество образования	Это социальная категория, которая определяет состояние и результативность образовательного процесса, его соответствие потребностям и ожиданиям общества	Качество образования в управленческом аспекте

А. М. и Д. А. Новиковы [9]. Качество образования	Это характеристика системы образования, отражающую степень соответствия реальных достигаемых образовательных результатов нормативным требованиям, социальным и личностным ожиданиям, и относят это понятие к результату и к процессу образования	Определение очерчивает предмет оценки качества образования как предмет исследования и позволяет выделить институциональные основы общего образования
Критерии и показатели качества общего образования		
С. Э. Александрова [1]. Составные части качества общего образования	<ul style="list-style-type: none">- качество воспитанности школьников, (определяет результат или уровень социализации личности);- качество развития личности школьников (характеризуется показателями проявления мотивации к обучению и представляет характеристику социализированности личности);- качество социальной адаптации (способность занять свой социальный статус в обществе)	Социологический смысл состоит в критериях и результатах выполнения социально-институциональных функций общего образования
Методы и средства исследований для получения необходимой информации о состоянии качества общего образования		
Т. В. Гуськова [3]. Независимая оценка качества образования в образовательных организациях профессионального образования	Оценка производится в целях определения соответствия предоставляемого образования потребностям заинтересованных сторон, и осуществляется путем проведения общественной аккредитации образовательных организаций и профессионально-общественной аккредитации образовательных программ	Независимая оценка качества позволяет определить доступность высшего образования как профессионального
А. М. и Д. А. Новиковы [9; 10]. Модели мониторинга оценки качества общего образования	Мониторинг системы оценки качества основного общего образования – это процедура, определяющая соответствие системы оценки качества образования – заданным требованиям на школьном, муниципальном и региональном уровнях	Это позволяет выбрать индикаторы и показатели для социально-институционального исследования качества образования
Р. В. Селюков [12]. Результаты общего образования для оценки его качества	Типы индикаторов – результаты реализации основных образовательных программ, результаты деятельности образовательных учреждений и индивидуальные результаты обучающихся, и индикаторы ресурсов (условий)	Представлен Инструментарий оценки качества общего образования. Разграничены предметные, метапредметные и личностные результаты
Региональные и всемирные исследования		
PISA – международная программа по оценке учебных достижений	Оценивались: математическая и естественно-научная грамотность, грамотность чтения, решение проблем для учащихся 15-летнего возраста.	Социологический смысл состоит в том, что определяется не уровень освоения школьных программ, а способности учащихся применять полученные в школе знания и умения в жизненных ситуациях. Такое умение свидетельствует о состоянии и результатах социализации, которая должна происходить в процессе формирования компетенций, заложенных в школьных программах.

Национальное исследование по оценке качества граждановедческого образования (НИКО) в России, 2014–2015 гг. [7, с. 32–33].	Результаты НИКО обучающихся в школах «повышенного уровня» значимо выше результатов участников из общеобразовательных школ.	Возможные причины расхождений результатов – разные характеристики обучающихся (уровни мотивации познавательной активности, способности, прилежание), и разные методики обучения, уровни участия родителей в процессе обучения школьников.
Т. А. Комкина. Региональная дифференциация результатов ЕГЭ в регионах РФ за 2010–2011 гг. [6]	Выявлена неравномерность результатов выпускников школ по регионам: в Дальневосточном федеральном округе (ДФО), Сибирском федеральном округе (СФО) и Южном федеральном округе (ЮФО) доля получивших балл ниже минимального хотя бы по одному предмету почти в 2 раза больше, чем в Центральном федеральном округе (ЦФО), Северо-Западном федеральном округе (СЗФО) и Приволжском федеральном округе (ПФО), Исследован рейтинг государственных вузов по среднему баллу ЕГЭ.	Возникает необходимость учета потребности в специальностях сельскохозяйственного, педагогического и технического профилей в регионах и необходимость повышать мотивацию абитуриентов
Г. Ф. Шафранов-Куцев [14, с. 72] Исследование социального статуса учителей в стратификационной структуре современного российского общества	Результаты исследований оказывают основные проблемы в профессиональной деятельности учителей, и эти проблемы не только сдерживают модернизацию школы, но и определяют недостаточное качество школьного образования	Улучшение материального положения учителей остается основой его продвижения в структуре среднего класса. Также важное значение приобретает здоровье учителей и их социальное самочувствие

К критериям качества образования в социально-институциональном аспекте, на наш взгляд, надо отнести надежность усвоения знаний учащимися (поскольку в этом критерии проявляется результат выполнения функции передачи культуры и знаний поколениям); сформированность основ для профессионального самоопределения (поскольку профессиональное самоопределение – это «стартовая площадка», с которой начинается выбор желательного для себя социально-профессионального статуса и последующее стремление занять этот статус уже в молодом возрасте).

К показателям для мониторинга качества общего образования относятся и используются в исследовании: фактические оценки письменных работ учащихся по различным предметам как результаты обучения в процессе познания; мнения учащихся об их отношении к обучению в школе; мнения родителей о качестве образования и о процессе обучения в школе;

мнения педагогов об организации учебного процесса в школе.

По результатам исследования по программе НИКО, в 2014–2015 гг., по сравнению с 2003 г., наибольшее повышение результатов отмечено у учащихся: сельских школ – на 21 балл, затем – у учащихся поселковых школ – на 16 баллов. Отмечено меньшее повышение результатов школ у учащихся больших городов – на 6 баллов, причем у учащихся с низким социально-экономическим статусом – на 12 баллов, у учащихся с высоким социально-экономическим статусом – на 11 баллов [7]. На наш взгляд, это свидетельствует о повышенной мотивации не только к знаниям, а к получению общего образования и приобретению высокого качества этого образования, и данная мотивация проявляется чаще именно у учащихся с более низким социально-экономическим статусом, чем у учащихся с высоким, поскольку именно представители данных социальных

групп более заинтересованы в получении более высокого социального статуса.

Качество образования и создание комплексной национально-региональной системы его оценки на федеральном и региональном уровнях выступает важным направлением российской образовательной политики. В этой связи на территории Пензенской области с 2015 г. осуществляется формирование механизмов оценки качества и востребованности образовательных услуг, отработан алгоритм проведения процедур диагностики уровня подготовки обучающихся общеобразовательных организаций, накоплен достаточный опыт проведения мониторинговых исследований мнения участников образовательного процесса, определены перспективы реализации мероприятий по развитию региональной системы оценки качества общего образования. Реализация указанных направлений деятельности способствует решению задачи по формированию востребованной национально-региональной системы оценки качества образования и образовательных результатов.

В декабре 2016 года Пензенская область вошла в число субъектов – победителей конкурсного отбора Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки по реализации мероприятия 5.1 «Развитие национально-региональной системы независимой оценки качества общего образования через реализацию пилотных региональных проектов и создание национальных механизмов оценки качества» Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы.

Региональная система оценки качества образования Пензенской области (РСОКО ПО) является частью общероссийской системы оценки качества образования и обеспечивает проведение внешней оценки результатов образования в интересах личности, общества, рынка труда, государства и непосредственно самой системы образования.

Основная стратегическая цель РСОКО ПО – достижение качества образования, обеспечивающего конкурентоспособность системы образования Пензенской области в общероссийском образовательном пространстве и на рынке труда; тактической целью является формирование механизмов получения, обработки, анализа и предоставления информации о качестве образования для использования в управленческой практике и информирования общественности.

На наш взгляд, в основу методологии мониторинга качества общего образования в регионе должен быть положен институциональный подход к исследованию и регулированию качества образования.

Все элементы функциональной модели образования как социального института, как отмечают А. М. Осипов и В. А. Иванова, должны быть совместимы с категориальным аппаратом социологии и выступать конструктивной базой для эмпирически измеряемых показателей функционирования образования, охватывающих все реалии этого социального института. Важным в данном отношении является социологическое определение (понятийная операционализация) образования как института. Содержание формулировок функций образования призвано выражать наиболее устойчивые характеристики данного социального института, соотносимые с его социально-историческими универсалиям [11, с. 122].

Обратимся к определениям образования как социального института, которые дают современные отечественные и зарубежные социологи. Е. А. Недзвецкая [8, с. 229] характеризует социальный институт образования следующим образом – это совокупность исторически сложившихся и закреплённых, устойчивых и самовозобновляющихся видов социальных взаимодействий, которые призваны удовлетворять потребности общества в передаче знаний от одних поколений к другим.

Именно социальные институты, по мнению американского социолога С. Лип-

сета, обеспечивают гарантии устойчивости, постоянства отношений между людьми, поскольку выстраивают устойчивую структуру разнообразных форм коллективной жизни. Важнейшие цели социальных институтов – это удовлетворение главных социальных потребностей, а также организация процесса коллективной деятельности [15].

Тогда качество общего образования надо исследовать как неотъемлемую социально-институциональную характеристику деятельности данного института, которая представляет социально значимые результаты выполнения институциональных функций, и определяет, насколько эти результаты соответствуют социально значимым потребностям.

Операционализация понятия качества образования в социально-институциональном смысле включает две основные части. Первая из них – это структурная операционализация. Ее составляющие: успеваемость; выполнение требований к обеспечению качества (формируемые образцы поведения) со стороны учащихся, их родителей, педагогов. Вторая часть – это факторная: операционализация. Она включает:

а) объективные факторы – это материально-техническая обеспеченность, оснащенность учебного процесса (учебные программы и их методическое сопровождение; организация учебного процесса (типы школ); качество квалификации педагогов, и подготовка педагогического персонала;

б) субъективные факторы – это интерес школьников к обучению; отношение к учебной деятельности у учащихся, их родителей, педагогов;

в) личностно-социальные факторы – это уровни образования родителей, их сфера деятельности.

Такая социологическая схема была использована при разработке концепции для мониторинговых исследований качества общего образования в Пензенской области как достаточно характерном российском регионе, где проблемы обеспечения каче-

ства общего образования, доступности среднего и высшего образования после получения общего образования аналогичны тем же проблемам, существующим в большинстве других российских регионов – субъектов РФ.

В 2016 г. работа в данном перспективном направлении была начата на базе центра мониторинговых исследований качества образования ГАОУ ДПО «Институт регионального развития Пензенской области». В январе-ноябре 2016 года были проведены независимая диагностика качества подготовки школьников и социологический мониторинг мнения участников образовательного процесса на базе 33 общеобразовательных организаций Пензенской области. В рамках независимой диагностики проведено 109 диагностических процедур. Общий объем диагностируемого контингента – 2000 школьников (3 классы – математика; 7 классы – русский язык и литература, математика; 10 классы – история, биология). В целях достижения репрезентативности выборка строилась равными долями по трем основным категориям: школы г. Пензы, школы районных центров Пензенской области, сельские школы.

В прежних ФГОС было заложено обучение только предметным знаниям, в новом поколении ФГОС – заложены еще и метапредметные умения. Поэтому в контрольно-измерительных материалах, которые мы используем в школах для проведения контрольных работ, предусмотрено 2 блока заданий:

1) предметные задания – позволяют оценить знания непосредственно по предмету (то, что школьник может запомнить, выучить и воспроизводить);

2) метапредметные задания – (позволяющие оценить надпредметные умения школьников, т.е. то, как школьник может использовать полученные знания и навыки в практической деятельности, их лишь условно можно отнести к какому-то предмету, а чаще – к группе предметов). Например, преобразовать текст в таблицу, выделив по смыслу заголовки таблицы,

шапку таблицы, столбцы и строки и заполнив их данными из текста, задания на ассоциативный ряд, задачи на логическое мышление и др.

В задачи исследования, проведенного в рамках указанного мониторинга, входили исследования факторов, влияющих на качество образования.

В соответствии с результатами выполнения социально-институциональных функций системы общего образования необходимо выделить общие критерии качества общего образования, к которым должны быть отнесены: уровень усвоения знаний, возможности применения полученных знаний на практике, возможности профессионального самоопределения старшеклассников в процессе обучения, с целью занятия привлекательного для них социального статуса, вероятность социальной адаптации после окончания общеобразовательного учреждения.

В качестве обобщенных показателей социологического исследования были выбраны: отношение к обучению, образовательные ресурсы школы, финансовые ресурсы семьи.

Приступая к анализу данных, полученных по итогам социологического мониторинга мнения участников образовательного процесса, необходимо отметить ориентацию ФГОС общего образования

на становление личностных характеристик выпускника, в числе которых: любознательность, активность, умение учиться и интерес к новым знаниям – это входит в методологию как индикаторы (характеристики личности), и градации по ним содержались в вопросах анкет.

Социологический мониторинг, проведенный в январе-ноябре 2016 г., включал: опрос обучающихся общеобразовательных организаций Пензенской области, их родителей (законных представителей) и педагогических работников (включая руководителей) общеобразовательных организаций региона. Общий объем выборки составил около 5000 единиц.

По итогам независимой диагностики получены следующие результаты. Выявлены достаточно высокие показатели уровня подготовки обучающихся 3-х классов по математике (качество знаний – 71,3 %; абсолютная успеваемость – 93,2 %), что в целом коррелирует с ежегодными итогами ВПР по математике в 4-х классах. Следует отметить, что показатели качества образования в начальной школе Пензенской области остаются стабильными на протяжении всего периода обучения на данной ступени образования.

Для исследования субъективных факторов респондентам был предложен вопрос об интересе к обучению (рис. 1).

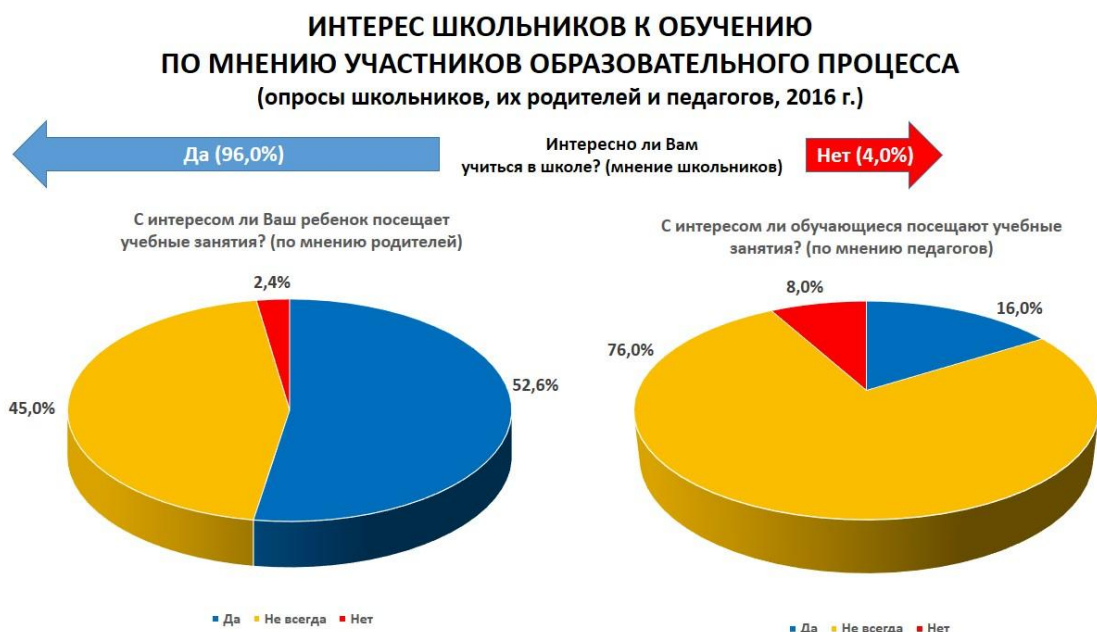

Рис. 1. Интерес школьников к обучению (по мнению участников образовательного процесса)

Как показывают результаты проведенных исследований, большинство школьников (96,0 %) проявляют интерес к обучению, однако (по мнению родителей (45,0 %) и педагогов (76,0 %) часто этот интерес носит поверхностный, не стабильный характер. Отчасти это связано с высокой учебной нагрузкой (63,0 %), переутомлением детей в школе (26,0 %) и недостаточным изучением образовательных запросов школьников (32 %).

Наибольший интерес к учебе проявляют обучающиеся сельских школ (98,7 %), а также школьники на уровне основного общего образования (97,8 %). Кроме того, школьники активно посещают дополнительные занятия: показатель внеурочной занятости в школе составляет 71,9 %. Наиболее популярными вариантами внеурочной занятости в школе выступают спортивные секции (49,0 %) и факультативы для углубленного изучения отдельных предметов (32,2 %). Показатель занятости школьников в системе дополнительного образования детей состав-

ляет 60,9 %, наибольшей популярностью пользуются спортивные школы (53,1 %). Следует отметить, что 12,3 % опрошенных учеников не привлечены к внеурочной деятельности в школах и в учреждениях дополнительного образования детей. Был сделан вывод, что одним из важнейших факторов, влияющих на качество образования школьников, являются образовательные ресурсы (они включают материальное и кадровое обеспечение учебной и внеурочной деятельности, а также организацию и методическое сопровождение этих видов деятельности, которые выступают в качестве выполнения важнейших социально-институциональных функций института образования).

Родители и педагоги, имеют сходные взгляды по поводу главных задач школы, наиболее важной из которых считают трансляцию знаний, необходимых для поступления в учреждения профобразования (80,0 % и 78,0 % соответственно). Это подтверждает графическое представление ответов опрошенных (рис. 2).

Рис. 2. Главные задачи школы (по мнению родителей школьников и педагогов)

Размышляя о направлениях повышения качества образования, родители и педагоги активно высказывают свои предложения, однако имеют несколько различные точки зрения на данный процесс. Наиболее важным направлением повышения качества образования (по мнению педагогов) является обновление материально-технической базы школы (38,3 %). Однако родители считают, что наибольшее влияние на качество образования оказывает профессиональный уровень педаго-

гов и высказываются за систематическое повышение их квалификации (31,3 %).

Выделяя другие направления повышения качества образования, родители и педагоги высказывают сходные мнения по поводу обеспечения возможностей индивидуального выбора образовательной траектории школьникам, повышения качества учебно-методической литературы и внедрения новых методик преподавания (рис. 3).

НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ
(опросы родителей школьников и педагогов, 2016 г.)

Рис. 3. Направления повышения качества образования
(по мнению родителей школьников и педагогов)

В качестве условий, оказывающих наибольшее влияние на качество образования, выступают: применение педагогами современных образовательных технологий (84,0 %); качество образовательных программ (72,0 %), которые следует отнести к объективным факторам обеспечения качества общего образования и к объективным предпосылкам для обеспечения доступности последующего (среднего и высшего) образования.

В качестве субъективных факторов, оказывающих наибольшее влияние на качество образования, педагоги выделяют: мотивацию школьников к обучению (80,0 %); способность школьников к само-

стоятельной работе и анализу (79,0 %). Эти же факторы закладывают предпосылки для стремления выпускников школ к более высокому социальному статусу.

Повышение требований к качеству общего образования выступает главным изменением условий работы педагогов в связи с переходом на ФГОС общего образования (89,0 %).

Для исследования объективных факторов качества респондентам был предложен вопрос «Какие оценки по учебным предметам Вы чаще всего получаете?», распределение ответов на который в зависимости от типа школ представлено в таблице 2.

*Таблица 2***Распределение ответов на вопрос «Какие оценки по учебным предметам Вы чаще всего получаете?» в зависимости от типа школ, участвующих в опросе**

Какие оценки по учебным предметам Вы чаще всего получаете?	Категория школы			Всего (средний показатель по выборке)
	Областной центр (г. Пенза)/ранг г1	Районный центр/ранг г2	Село/ранг г3	
	%	%	%	
«5»	34,5/3	61,0/2	48,7/2	41,5/2
«4»	78,3/1	86,4/1	94,9/1	82,1/1
«3»	45,8/2	20,3/3	41,0/3	40,2/3
«2»	5,9/4	0,0/4	0,0/4	4,0/4

Коэффициенты ранговой корреляции $\Gamma_{12}=\Gamma_{13}=0,8$; $\Gamma_{23}=1$.

Проявляется достаточно высокая корреляция, заметная для школ, у которых тип различается по месту расположения (областной центр и сельская местность). Есть тенденция к полному совпадению результатов для школ, расположенных в районных центрах и в сельской местности, т.е. различий по существу нет.

Еще одним важным фактором является социально-экономический статус семьи. Для определения влияния этого статуса на качество образования как объективного фактора было исследовано распределение ответов на вопрос «Какие оценки по учебным предметам Вы чаще всего получаете?» в зависимости от материального положения семьи, представленное в таблице 3.

*Таблица 3***Распределение ответов на вопрос: «Какие оценки по учебным предметам Вы чаще всего получаете?» в зависимости от материального положения семьи**

Какие оценки по учебным предметам Вы чаще всего получаете?	Как бы Вы охарактеризовали нынешнее материальное положение своей семьи?					
	В достатке, ни в чем себе не отказывая /г1	Неплохо, хотя для этого приходится тратить очень много сил/г2	С трудом, едва сводя концы с концами /г3	Бедственно, приходится недоедать, отказываться от самого необходимого /г4	Затрудняюсь ответить	Всего (средний показатель по выборке)
	%	%	%	%	%	%
«5»	39,8/3	39,0/3	30,8/3	0,0/3,5	56,5	41,5
«4»	82,9/1	82,2/1	84,6/1	100,0/1,5	78,3	82,1
«3»	42,3/2	39,8/2	53,8/2	0,0/3,5	32,6	40,2
«2»	2,4/4	5,1/4	0,0/4	100,0/1,5	4,3	4,0

Коэффициенты ранговой корреляции $r_{14}=r_{24}=r_{34}=0,1$; $r_{13}=r_{23}=1$

Наибольшая корреляция наблюдается между крайними уровнями жизни. Незначительная корреляция имеет место между ответами респондентов, материальное положение которых похоже. Таким образом, материальное положение семьи также является объективным фактором качества образования, поскольку оно позволяет семьям с более высоким достатком нанимать репетиторов и определять детей в школы, дающие основательную подготовку для поступления в вузы.

Проведенная классификация понятия «качество общего образования» позволила выявить институциональные основы формирования и регулирования качества общего образования. Это – юридические нормы и требования как институциональные признаки, действия по реализации и контролю качества образования как институциональные образцы поведения, и возможные ресурсы (человеческие, информационные) для обеспечения необходимого качества общего образования.

Общими критериями качества общего образования выступают: уровень обученности школьников; прочность знаний; трансляция знаний, необходимых для поступления в учреждения профобразования, а также качество преподавания и уровень квалификации обучающихся, поскольку качество образования – это не только знания, оно должно включать и качество образовательного процесса, критериями которого являются показатели успеваемости, показатели методического сопровождения, квалифицированность и компетентность педагогов.

Существуют объективные и субъективные группы факторов, влияющих на качество образования в общеобразовательных организациях. Это – применение педагогами современных образовательных технологий и качество образовательных программ (объективные), и мотивация школьников к обучению и способность школьников к самостоятельной ра-

боте и анализу (субъективные). Важными факторами, влияющими на качество образования школьников, также являются образовательные ресурсы школы, а также признаки социального и социально-экономического статуса семьи (уровни образования родителей, их социально-профессиональные статусы, материальное положение семьи).

Эффективным средством для информационного обеспечения с целью регулирования качества общего образования являются мониторинговые исследования. Мониторинг составляет информационную основу для принятия управленческих решений с целью совершенствования качества общего образования в регионе. Независимая диагностика позволяет оценить уровень подготовки и качество знаний школьников, а социологические исследования мнения участников образовательного процесса способствует выявлению основных факторов, влияющих на качество образования.

Проведенные исследования показали, что для повышения качества образования необходимо:

- использовать современные инновационные методики, новые формы организации и проведения учебных занятий на уроках и во внеурочное время;
- с целью повышения профессионализма педагогов продолжать их методическое совершенствование;
- активнее использовать в образовательной деятельности возможности информационно-коммуникационных технологий, сети Интернет в сочетании с современными педагогическими технологиями.

Стратегические положения по формированию востребованной региональной системы оценки качества образования были включены в Государственную программу «Развитие образования в Пензенской области на 2014–2020 годы». В числе стратегических задач отмечаются: модернизация образовательных программ и технологий обучения (это развитие инфраструктуры, организационно-правовых

форм, обеспечивающих достижение современного качества учебных результатов, равную доступность качественных услуг дошкольного, общего, дополнительного образования для представителей разных социальных слоев); формирование механизмов региональной оценки качества и востребованности образовательных услуг, что включает деятельность потребителей образовательных услуг и общественных институтов по контролю и оценке качества образования; повышение эффективности управления региональной системой образования.

На основе проведенных исследований были разработаны и адресованы общеобразовательным учреждениям данного региона рекомендации по совершенствованию уровня подготовки обучающихся. Целью этих рекомендаций выступает подготовка к оценке сформированности метапредметных умений.

В качестве перспективного направления деятельности на 2017–2018 гг. будет организована подготовительная работа по проведению независимой диагностики качества подготовки обучающихся в региональной системе СПО.

Библиографический список

1. Александрова С. Э. Пути повышения качества образования в начальной школе. URL: <http://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/obshchepedagogicheskie-tehnologii/2013/12/18/puti-povysheniya-kachestva>. Опубликовано 18.12.2013 (соц. сеть работников образования <http://nsportal.ru>).
2. Бермус А. Г. Управление качеством профессионального педагогического образования: Автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. Ростов - на Дону, 2003. – 44 с.
3. Гуськова Т. В. Подходы к оценке качества профессионального образования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета: Ежеквартальный научный журнал. Сер.: Педагогика, психология. № 4 (19). – Тольятти: ТГУ, 2014. – С. 44–47.
4. Кайнина Л. Л. Информационное поле оценки качества деятельности учебного заведения // Школа. – 2001. – № 6. – С. 35–43.
5. Ковалева Г. С. Современные исследования качества образования (международные, национальные, региональные). Открытая лекция. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.kursobr.ru/otkrytaya-lektsiya-kovaleva-g-s.html>. Дата обращения: 30.07.2017.
6. Комкина Т. А. Исследование показателей качества образования в Российской Федерации с учетом региональных особенностей. Специальность 08.00.05 – "Экономика и управление народным хозяйством", специализация: "Региональная экономика" (экономические науки). Автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – М., 2012. – 20 с.
7. Национальные исследования качества образования. Аналитические материалы по результатам проведения Национального исследования качества математического образования в 5–7 классах. Часть 1. Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки 2014–2015 гг. 2015. 80 с. URL: https://docs.wixstatic.com/ugd/1a0110_7ad5ae687d5c4a4cba9d37062f4f71cc.pdf. Дата обращения – 31.07.2017.
8. Недзвецкая Е. А. Образование как социальный институт: специфика управления // Вестник РУДН. – Серия «Социология». – 2003. – № 4. – С. 228–235.
9. Новиков А. М., Новиков Д. А. Как оценивать качество образования? URL: http://www.anovikov.ru/artikle/kacth_obr.htm. Дата обращения 10.12.2016.
10. Новиков А. М., Новиков Д. А. Модель мониторинга оценки качества основного общего образования. URL: mek.kpmo.ru/res_ru/0_draftfiles_37_1.doc. Дата обращения 10.12.2016.
11. Осипов А. М., Иванова В. А. Институциональные функции – «пороговая» проблема современной социологии образования // Социологические исследования. – 2016. – № 1. – С. 117–124.
12. Селюков Р. В. Модель мониторинга оценки качества основного общего образования // Инновационная образовательная сеть «Эврика» / Семинар в Калининграде. Экспертно-аналитический семинар «экспертиза модели мониторинга оценки качества основного общего образования». Октябрь 2011. URL: <http://www.eurekanet.ru/ewww/info/15608.html>. Дата обращения 15.10.2016.
13. Шатковская Л. Повышение качества образования: системный подход // Управление школой. – 2012. – февраль. – С. 25–32.
14. Шафранов-Куцев Г. Ф. Место учительства в стратификационной структуре современного российского общества // Социологические исследования. – 2016. – № 9. – С. 65–72.

15. Lipset S. Social Structure and Social Chang // Approaches to the Study of Social Structure. – N.Y. 1975.

Bibliograficheskij spisok

1. Aleksandrova S. Je. Puti povyshenija kachestva obrazovanija v nachal'noj shkole. URL: <http://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/obshchepedagogicheskie-tehnologii/2013/12/18/puti-povysheniya-kachestva>. Opublikovano 18.12.2013 (soc. set' rabotnikov obrazovanija <http://nsportal.ru>).
2. Bermus A. G. Upravlenie kachestvom professional'nogo pedagogicheskogo obrazovanija: Avtoref. diss. ... d-ra ped. nauk. Rostov - na Donu, 2003. – 44 s.
3. Gus'kova T. V. Podhody k ocenke kachestva professional'nogo obrazovanija // Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta: Ezhekvartal'nyj nauchnyj zhurnal. Ser.: Pedagogika, psihologija. № 4 (19). – Tol'jatti : TGU, 2014. – S. 44–47.
4. Kajnina L. L. Informacionnoe pole ocenki kachestva dejatel'nosti uchebnogo zavedenija // Shkola. – 2001. – № 6. – S. 35–43.
5. Kovaleva G. S. Sovremennye issledovanija kachestva obrazovanija (mezhdunarodnye, nacional'nye, regional'nye). Otkrytaja lekcija. – Jelektronnyj resurs. – Rezhim dostupa: <http://www.kursobr.ru/otkrytaja-lektsiya-kovaleva-g-s.html>. Data obrashhenija: 30.07.2017.
6. Komkina T. A. Issledovanie pokazatelej kachestva obrazovanija v Rossijskoj Federacii s uchedom regional'nyh osobennostej. Special'nost' 08.00.05 – "Jekonomika i upravlenie narodnym hozjajstvom", specializacija: "Regional'naja jekonomika» (jekonomicheskie nauki.). Avtoref. diss. na soiskanie uchenoj stepeni kandidata jekonomicheskikh nauk. – M., 2012. – 20 s.
7. Nacional'nye issledovanija kachestva obrazovanija. Analiticheskie materialy po rezul'tatam provedenija Nacional'nogo issledovanija kachestva matematicheskogo obrazovanija v 5–7 klassah. Chast' 1. Federal'naja sluzhba po nadzoru v sfere obrazovanija i nauki 2014–2015 gg. 2015. 80 s. URL: https://docs.wixstatic.com/ugd/1a0110_7ad5ae687d5c4a4cba9d37062f4f71cc.pdf. Data obrashhenie – 31.07.2017.
8. Nedzveckaja E. A. Obrazovanie kak social'nyj institut: specifika upravlenija // Vestnik RUDN. – Serija «Sociologija». – 2003. – № 4. – S. 228–235.
9. Novikov A. M., Novikov D. A. Kak ocenivat' kachestvo obrazovanija? URL: http://www.anovikov.ru/artikle/kacth_obr.htm. Data obrashhenija 10.12.2016.
10. Novikov A. M., Novikov D. A. Model' monitoringa ocenki kachestva osnovnogo obshhego obrazovanija. URL: mek.kpmo.ru/res_ru/0_draftfiles_37_1.doc. Data obrashhenija 10.12.2016.
11. Osipov A. M., Ivanova V. A. Institucional'nye funkcii – «porogovaja» problema sovremennoj sociologii obrazovanija // Sociologicheskie issledovanija. – 2016. – № 1. – S. 117–124.
12. Seljukov R. V. Model' monitoringa ocenki kachestva osnovnogo obshhego obrazovanija // Innovacionnaja obrazovatel'naja set' «Jevrika» / Seminar v Kaliningrade. Jekspertno-analiticheskij seminar «jekspertiza modeli monitoringa ocenki kachestva osnovnogo obshhego obrazovanija». Oktjabr' 2011. URL: <http://www.eurekanet.ru/ewww/info/15608.html>. Data obrashhenija 15.10.2016.
13. Shatkovskaja L. Povyszenie kachestva obrazovanija: sistemnyj podhod // Upravlenie shkoloj. – 2012. – fevral'. – S. 25–32.
14. Shafranov-Kucev G. F. Mesto uchitel'stva v stratifikacionnoj strukture sovremennogo rossijskogo obshhestva // Sociologicheskie issledovanija. – 2016. – № 9. – S. 65–72.
15. Lipset S. Social Structure and Social Chang // Approaches to the Study of Social Structure. – N.Y. 1975.

© Найденова Л. И., Федосеева О. Ф.,
Мананникова Ю. В., 2017.

SOCIOLOGIE A ŽIVOT

УДК 316

DOI: 10.24045/sc.2017.3.3

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ

И. Дилмуродов

*Кандидат философских наук, доцент
Узбекский государственный университет
мировых языков
г. Ташкент, Узбекистан*

SOCIAL ASPECTS OF TOLERANCE

I. Dilmurodov

*Candidate of Philosophical Sciences
assistant professor
Uzbek State University of World Languages
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. The article analyzes the main social determinants of tolerance. The tolerant essence of pluralism is revealed, the historical-methodological analysis of the basic concepts and terms related to the diversity of society is carried out. Consent, cooperation and social partnership are considered as important conditions for stable tolerant relations between social actors and institutions.

Keywords: pluralism; consent; cooperation; social partnership; social structure; social community.

Общество имеет плюралистичный характер, его природе свойственно многообразие, которое имеет место во всей структуре общественных взаимоотношений. Плюрализм мнений, взглядов, интересов, социальных субъектов, сфер деятельности и т. п. требует от современного общества выработки и применения наиболее эффективных путей и средств формирования и укрепления терпимого и толерантного отношения между людьми, социальными группами, слоями, классами и институтами. В этом смысле, плюрализм выступает как главная особенность социума.

В философском смысле, плюрализм (от лат. *pluralis* – множественный), означает существование нескольких или множества самостоятельных друг от друга начал. Термин был предложен немецким философом Х. Вольфом в 1712 году. Плюрализм противоположен монизму.

Бытие общества, как и мир в целом по своей сути плюралистично, потому что

оно представляет собой сложную систему взаимодействий различных социальных субъектов, институтов, событий и явлений. Другими словами, множественность и поливариантность являются необходимыми условиями функционирования сфер общества: многообразие в науке, культуре и искусстве, плюрализм мнений в политической жизни, разнообразие форм собственности и уклада в экономике, множества направлений удовлетворения духовных потребностей людей и т. д. [1].

Плюрализм способствует социальной активности людей, формированию у них собственных позиций, развитию навыков терпимости, адекватному осознанию социальной действительности и своего внутреннего мира. Также плюрализм выступает важным фактором здорового, созидательного общения, продуктивного взаимодействия между социальными субъектами. Этими свойствами плюра-

лизм является антиподом догматизма, тоталитаризма и авторитаризма.

Исходя из этого, плюрализм как многообразие является объектом философии толерантности, также атрибутивной частью системы толерантных взаимоотношений. Вне многообразия мнений и взглядов, особенностей социальных субъектов и институтов всякий вопрос толерантности теряет свой смысл. Разумеется многообразие – это объективная реальность, материальное и духовное богатство человечества. Однако разногласия, противоречия и другие проблемные ситуации во взаимоотношениях во многом обусловлены наличием альтернативных, иногда противоречащих друг другу социальных позиций.

Уместно рассмотреть социальную общность с точки зрения проявления в ней плюралистичных элементов. Известно, что социальная общность – это совокупность людей, сформировавшаяся и существующая на основе общих устойчивых социальных признаков. В качестве таких признаков могут выступать общая территория, культура, религия, профессия, возраст, пол, социальные статус и роль и т. п. социальные особенности. Эти признаки имеют цементирующий, интегрирующий характер тем, что они являются основой сближения людей и совместной их жизнедеятельности в рамках социальных организаций. С точки зрения психологии основу социальной общности составляет чувство «мы», объединяющее всех ее членов. «Мы» всегда противопоставляется «они», которые рассматриваются как другие, иные или даже враждебные.

Социальная общность имеет важное значение в контексте социальной толерантности, так как это такие группы и объединения людей, которые, как правило, имеют обособленные интересы. Исходя из этого социальная общность выступает как социокультурное пространство, в котором формируются и развиваются определенные жизненные ориентиры, подходы, ценности и отношения к другим социальным структурам [1].

Естественно, социальная общность находится в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии друг с другом, их поведение непосредственно воздействует на другие, подобные группы, иногда заставляет их изменять характер поступков и действий. К примеру, терпимое или наоборот нетерпимое отношение представителей определенной религиозной конфессии к представителям других конфессий, несомненно, порождает ответные реакции.

В современном социальном дискурсе ключевое место занимает такой принцип, как **социальное партнерство**, которое, в свою очередь, в контексте толерантности означает солидарность и сотрудничество представителей разных рас, национальностей и религий, также социальных групп в достижении общих целей. Социальное партнерство как идея может трактоваться как в широком, так и в узком смыслах. Согласно первому, Социальное партнерство означает близкие взаимоотношения социальных субъектов во всемирном масштабе, а, в узком смысле, оно понимается как равноправные связи социальных групп, слоев и институтов в рамках отдельно взятой страны.

В современном, интенсивно меняющемся обществе социальное партнерство имеет важную значимость. Возникающие новые социокультурные, профессиональные группы, слои и организации, учреждения государственного и негосударственного характера имеют разные потребности и интересы, которые не всегда созвучны друг с другом и соответствуют по содержанию. К примеру, подход к определенной социальной проблеме слоя учителей может отличаться от подхода к данному вопросу класса предпринимателей и т. п. При таких ситуациях социальное партнерство выступает как интегрирующий фактор разных по направленности интересов и предназначено координированию таких интересов с точки зрения общих целей достижения прогресса всей страны. Основные положения социального партнерства, прежде всего, закрепляются в конституции, где они фиксируются

и составляют правовую основу формирования взаимоотношений между социальными субъектами. В теории и практике социальное партнерство обычно трактуется через призму “социального треугольника”, который означает взаимовыгодное сотрудничество государственных структур, экономических субъектов и общественных объединений. Несомненно, данный подход еще более ярко подчеркивает социальную суть принципа. В решение таких острых социальных проблем, как бедность, бездомность, преступность, коррупция, загрязнение окружающей экологической среды соблюдение принципа социального партнерства является залогом положительных результатов [1]. Каждый социальный субъект по-своему понимает проблемы и позиции по поводу путей их решения могут быть, соответственно, разными. Однако окончательное искоренение проблемы из жизни общества требует от всех социальных субъектов и институтов равных усилий и усердия. Как раз в этом полностью себя проявляет социальное партнерство.

В укреплении близких партнерских связей между социальными субъектами важную роль играют такие общественные объединения, как негосударственные организации, профессиональные союзы, благотворительные фонды и т.п. Еще одной важной особенностью социального партнерства является то, что оно способствует справедливому распределению и использованию ресурсов в процессе решения проблем.

Социальное партнерство подразумевает наличия **согласия и сотрудничества** между социальными субъектами и институтами. В рамках теории толерантности согласие трактуется как состояние между людьми и их группами, отражающее единые, гармоничные мнения, взгляды, позиции, оценки и отношения по поводу различных важных вопросов. Согласие может иметь место на всех уровнях взаимодействия субъектов и их сфер деятельности. Также согласие – важное условие

благополучной деятельности социальных институтов.

Согласие представляет собой важный момент взаимодействия между социальными субъектами тем, что оно выступает как результат взаимопонимания, взаимопонимания и солидарности. Наличие согласия обеспечивает построение стабильных, эффективных и плодотворных взаимосвязей и контактов.

В повседневной жизни человек не всегда может достичь согласия с другими по поводу волнующих его вопросов, в результате чего могут возникать сложности между ними, а иногда эти сложности перерастают в конфликты, которые в свою очередь, негативно влияют на развития толерантных отношений. С этой точки зрения, найти общий знаменатель, точки пересечения изначально противоположных позиций чрезвычайно важно в поддержании стабильных взаимоотношений. Таким образом, согласие – это результат открытости, честности и рационального взгляда оппонентов сложившуюся ситуацию и создает широкие возможности для дальнейшего благополучного сотрудничества и социального партнерства на пути достижения высоких жизненных целей [1].

В свою очередь, сотрудничество означает целенаправленные взаимоотношения людей, характеризующиеся согласием, сплоченностью мнений и действий. Сотрудничество – важное условие любых результатов деятельности людей, оно всегда актуально и необходимо. Как осознанное, организованное, структурированное действие оно выступает как квинтэссенция множества человеческих качеств. Сотрудничество между отдельно взятыми людьми, социальными группами, слоями, институтами, организациями, единствами, государствами в совокупности обеспечивает крупные достижения в духовно-нравственных, социально-экономических, политических и международных отношениях.

Сотрудничество есть качественный уровень взаимодействий и взаимоотношений между социальными субъектами и

институтами. Также оно подразумевает сосредоточение необходимых ресурсов, объединения усилий по достижению общих целей. В ракурсе толерантных связей сотрудничество означает логическое благополучное продолжение совместных взаимных действий людей, групп, институтов и организаций, основанное на понимании, согласии, снисходительности и терпимости [1].

Сотрудничество помогает людям найти свое достойное место в обществе и объективно оценить место других себе подобных. Сотрудничество характеризует баланс сил, согласованность интересов и интеграцию усилий. В процессе сотрудничества у партнеров обогащается опыт совместной деятельности, повышается уровень коммуникабельности и совместимости. Как правило, благополучное сотрудничество часто сопровождается дружественными, родственными узами, которые еще более укрепляют основы взаимоотношений.

Таким образом, вышеизложенное дают основание выдвигать следующие выводы. Во-первых, необходимо отметить, что смысл жизни человека заключается и в том, что он должен проводить свою жизнь на основе принципов уважения, дружбы, любви, согласия, сотрудничества, партнерства и т. п. Только тогда плюралистичный характер жизни человека, группы и общества будет служить их культурно-нравственному возвышению, справедливому распределению духовных и материальных благ. Таким образом, плюрализм как общий принцип толерантности имеет

огромную методологическую и практическую значимость.

Во-вторых, социальная общность как субъект толерантных взаимоотношений представляет собой один из важных видов образования целеустремленных созидательных связей между людьми, направленных на сохранение и дальнейшее развитие индивидуальных особенностей своей общности среди других.

В-третьих, социальное партнерство имеет богатую толерантную суть, потому что оно предназначено установлению конструктивных взаимоотношений среди социальных субъектов, основанных на равноправии, справедливости и взаимовыгодном сотрудничестве, также направлено на создание равных возможностей на достойную и благополучную жизнь каждого.

В-четвертых, сотрудничество как важный принцип толерантности способствует повышению активности партнеров, развитию их доброжелательности, чувства доверия и уважения, также создает возможности признания достоинств друг друга.

Библиографический список

1. Кушаев У. Р., Дорошина И. Г. Толерантность : энциклопедический словарь. – Пенза : Научно-издательский центр «Социосфера», 2014. – 484 с.

Bibliografičeskij spisok

1. Kushaev U. R., Doroshina I. G. Tolerantnost' : jenciklopedičeskij slovar'. – Penza : Nauchno-izdatel'skij centr «Sociosfera», 2014. – 484 s.

© Дилмуродов И., 2017.

УДК 316

DOI: 10.24045/sc.2017.3.4

СОЦИАЛЬНАЯ СУТЬ ИНТОЛЕРАНТНОСТИ

У. Р. Кушаев

*Кандидат философских наук
Узбекский государственный
университет мировых языков
г. Ташкент, Узбекистан*

SOCIAL ESSENCE OF INTOLERANCE

U. R. Kushaev

*Candidate of Philosophy
Uzbek State University of World Languages
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. In the article questions related to intolerance were analyzed. The theoretical and practical aspects of the problem of intolerance are revealed, the basic forms and levels of intolerant behavior are determined, their features of manifestation are revealed. The main causes of the appearance of intolerant behavior are shown and substantiated.

Keywords: intolerance; indifference; deception; hypocrisy; fraud; betrayal; culture of peace.

Толерантность есть многогранный и плюралистичный феномен и имеет множество форм проявления, между которыми существует диалектическая взаимосвязь, например, терпение, миролюбие, консенсус, солидарность, доверие, уважение, стремление к пониманию и другие подобные нравственные качества и осознанные действия. Толерантность общества и государства имеют особые черты, и они на этих уровнях проявляются в создании справедливого законопорядка, обеспечивающего одинаковый подход и равные возможности, как для всех, так и для отдельно взятого человека, невзирая на его пол, расу, национальность, язык, религию, социальное происхождение и статус. Кроме того, государство обязано разработать комплекс мер, направленных на создание необходимых условий экономического и социального развития каждого человека и группы, а также средства предотвращения враждебных чувств, фанатизма и нетерпимости к окружающим людям, принадлежащим к другим культурам, и эффективно применять их на практике.

Наряду с толерантностью имеется противоположное ей понятие «интоле-

рантность», которая как антиподное явление присуще всем этапам развития человечества. Виды поведения и действия человека, противоречащие толерантности, представляют собой формы интолерантности, которая как понятие означает действия, поведение и поступки, препятствующие, подрывающие и разрушающие уважительные, терпимые, солидарные, равные, открытые, бескорыстные взаимоотношения между социальными субъектами, также события и явления, которые имеют такой характер [1, с. 161–162]. И как общее отражается в таких частных понятиях, как «интолерантное поведение», «интолерантное действие», «интолерантный поступок», «интолерантное явление» и т. д. Личность, социальная группа, слой, класс, общество, народ, государство и другие объединения людей выступают как объект и как субъект интолерантности.

Безразличие, бесчувственность, ложь, обман, клевета, лицемерие, мошенничество, измена, предательство, вымогательство, насилие, убийство и т.п. нравственные пороки, проступки и виды преступлений считаются формами проявлениями

интолерантности. Также интолерантность имеет разные уровни: от какого-либо безнравственного поступка отдельно взятого человека до таких масштабных преступлений, как геноцид, террор и т. д. Интолерантность как совокупность действий направлена против человечности в целом. Интолерантные поступки между собой взаимосвязаны, они взаимопроникают, друг друга подразумевают, в процессе проявления между ними действует цепная реакция.

Разумеется, интолерантность – это безнравственность, помимо этого с точки зрения социальной толерантности, хотя поступки противоположные терпимым, добрым, снисходительным отношениям проявляют себя через безнравственные пороки, но приводят к более глубоким социальным последствиям. Иначе говоря, каждое интолерантное действие представляет собой источник зла, поэтому уместно отметить, что проблема интолерантности по актуальности, остроте и необходимости не уступает основополагающим вопросам морали. Интолерантность – это результат, продукт общества, социальных процессов, имеет глубокие корни, причины которых кроются в самых разных ячейках общества, структурных единицах социума. Это и семья, и образовательные учреждения, и процесс воспитания в целом. Следовательно, именно эти инстанции и уровни, прежде всего, ответственны за то, чтобы у подрастающего поколения формировались толерантные, добрые качества. Интолерантность – это одновременно и практика. Борьба против ее проявлений требует эффективных практических мер. В свою очередь, это означает, что каждый здравомыслящий человек с чувством ответственности перед самим собой, близкими, Родиной и будущим своего народа обязан своими образцовыми поступками противостоять распространению интолерантности в обществе.

Рассмотрим по отдельности некоторые формы интолерантности. В частности, **лицемерие** означает притворную доброжелательность по отношению к кому-то,

имеющая целью усыпить бдительность, войти в доверие и получить личную выгоду. Доверчивый человек может поверить в искренность лицемера и проникнуться к нему ответными нежными или уважительными чувствами.

Лицемерию предшествуют и другие интолерантные пороки, такие как, обман, ложь, измена и т. п., поэтому лицемерие является подрывающей силой взаимоотношений, основанные на уважение, понимание и согласие.

Таким образом, действия, основанные на лицемерии заслуживают презрения, потому что данное безнравственное поведение развивает коварство и лживость у человека, разрушает чувство доверия к людям.

Еще одно проявление интолерантного поведения **безразличие** означает психическое состояние, детерминированное безучастным, равнодушным отношением к вещам, явлениям и событиям. При нем отсутствуют эмоциональные проявления, желания и побуждения к деятельности и снижается социальная активность вообще, что приводит к безучастному отношению к окружающему. С этой точки зрения безразличие способствует формированию таких интолерантных качеств как равнодушие и холодность.

Психологи утверждают, что безразличие это отсутствие эмоций и чувств, и поэтому людям, которые находятся в таком состоянии, не свойственны чувства удовольствия и неудовольствия. Они не страдают от скуки, у них не наблюдаются напряженность и раздражительность.

Следует отметить, что безразличие может иметь как физические, так и социально-психологические причины. Например, у некоторых людей с ограниченными физическими возможностями из-за неспособности активно взаимодействовать с окружающими возникает «эмоционально-мотивационный паралич». Одним из главных социально-психологических факторов состояния безразличия принято считать долгий, тяжелый стресс.

В связи с этим, безразличие, несомненно, способствует формированию отчужденности, хладнодушия, бесчувственности и индифферентности. Такие люди теряют интерес к социально активной жизни. Поэтому чувство безразличия выступает одним из важных вопросов проблематики социальной толерантности [1].

Безразличие это результат комплекса сложных психологических причин, характеризующихся полным отсутствием влечений и желаний. Но, с точки зрения развития толерантности на всех уровнях социальных отношений, решение проблемы предотвращения такого состояния является актуальной. Для этого, важным, является, способствования разработкам эффективных психологических методов воздействия, а также огромное значение в преодолении состояния Б. имеют снисходительность, содействие и поддержка окружающих людей.

Еще одна тяжелая форма интолерантности, это **предательство**, которое проявляется, в общем смысле, в измене нравственным ценностям и идеалам, в частности, другу, любимому человеку, близким знакомым, коллективу, Родине и, по сути, самому себе.

Предательство существует не само по себе, а развивается наравне с такими другими интолерантными качествами, как обманчивость, лицемерие, шарлатанство, фальшь, зависть и т.п. Предателя презирают, ненавидят, потому что достойные люди знают, что ему нельзя верить, на него нельзя полагаться. Как говорил И. С. Тургенев: «Предавши один раз, предаст и второй».

Предательство может носить явный или скрытый характер, и имеет место на всех уровнях человеческих взаимоотношений. Особенно тяжело и досадно, когда предают свой народ и страну. Предательство – это жестокость по отношению к преданным людям, в какой бы форме не проявлялось, ему нет оправдания. Предать кого-то или что-то с точки зрения нравственности – это прежде всего преда-

тельство самого себя. Судьба предателей всегда тяжелая, в истории нет ни одного случая, в котором предатели благополучно, счастливо прожили бы свою жизнь. Как проявление несправедливости, это качество в конечном итоге и для самого предателя оборачивается самыми тяжелыми последствиями.

Интолерантное действие **обман** отражает сознательную передачу другому человеку или группе людей искаженной, противоречащей истине информации. Человека, совершающего такое действие, называют обманщиком, а соответствующее его нравственное качество мошенничеством. Обман может иметь место во всех сферах жизни человека [1, с. 267–268].

Обман – серьезное препятствие формированию и укреплению толерантных взаимоотношений. Так как он подрывает чувство доверия, уважения, согласия и взаимности. Одновременно обман – это широко распространенное средство достижения злых, корыстных целей. Как правило, обман используется для получения материальной выгоды. Ложь, дезинформация, мошенничество, подлог, фальшь являются синонимами данного слова.

В осуществлении обман может использоваться и истина, которая передается таким образом, что другие не поверят в нее. С этой точки зрения, обман – это форма манипулирования людьми. Специалисты признают близость понятия лжи и обман, однако и различают их. Смысл лжи уже, потому что ложь выступать как составная часть комплекса обманчивых действий. А по отношению к мошенничеству обман может быть его частным случаем.

Вышеперечисленные действия считаются своего рода «моральными преступлениями», после совершения которых страдают в большинстве случаев невинные люди, несут материальный и моральный ущерб. Обманутые люди теряют чувство доверия и уважения к окружающим, у них формируется безразличие.

С этой точки зрения, обман как фальшивое явление уничтожает истинные ценности гуманизма, поэтому противодействовать обману, способствовать искоренению его из жизни моральный долг каждого воспитанного человека.

Насилие характеризует жесткую форму интолерантности, проявляющаяся в принуждении к выполнению определенных действий против своей воли и желания. Человек, социальная группа, народ, общество могут подвергаться насилию со стороны отдельно взятого человека, группы, силы и государства.

Элементы насилия государства с целью защиты безопасности общества от противоправных действий оправданы и необходимы. При тоталитаризме насилие в отношении инакомыслящих является необходимым звеном всей системы управления. Степень и частота применения насилия государством определяется уровнем развития в нем демократии.

Насилие – это бесчеловечность, всяческое его проявление серьезно угрожает гуманизму и разрушает чувства любви, уважения, солидарности, заменяя их на страх, ожидание угрозы и желание угодить, чтобы избежать наказания [1, с. 243].

Существуют две основные причины возникновения интолерантного отношения. Первое – низменный уровень нравственной культуры, второе – абсолютизирование субъективных интересов. Нрав-

ственный человек – по своей сути толерантная личность, низкий уровень нравственности порождает чувства корыстности, вражды и соответствующие негативные действия.

Историческая практика доказывает, что не существует оптимального пути для мирного сосуществования разных людей, групп, наций, народов, кроме как стремление к реализации принципов толерантности. С этой точки зрения, “культура толерантности” гармонично сочетается по смыслу с понятием “культура мира”. Социально-экономическое, духовно-культурное развитие всех народов основывается на взаимодействии и взаимообогащении. Это показывает актуальную значимость в мировом масштабе центрального принципа философии толерантности “единство и многообразие культур”, который означает, с одной стороны, культурную целостность, единство человечества, с другой стороны, его разнообразие в культурном плане.

Библиографический список

1. Кушаев У. Р., Дорошина И. Г. Толерантность : энциклопедический словарь. – Пенза : Научно-издательский центр «Социосфера», 2014. – 484 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Kushaev U. R., Doroshina I. G. Tolerantnost' : jenciklopedicheskij slovar'. – Penza : Nauchno-izdatel'skij centr «Sociosfera», 2014. – 484 s.

© Кушаев У. Р., 2017.

ECONOMIC AND LEGAL REVIEW OF PRETRIAL INSOLVENCY IN FOREIGN LEGISLATION

I. V. Izuymov

*Candidate of Legal Sciences, assistant professor
Tyumen Industrial University
Tyumen, Russia*

Abstract. In this work we have analyzed the essence of prejudicial prevention of insolvency of an economic entity and reveals contents of this phenomenon, research of opportunities was conducted about its use for prevention of existing negative consequences of judicial processes of insolvency in economy. The features of the prejudicial prevention of insolvency (bankruptcy) of economic entities performing business activity abroad are analysed in the article, also we analyze Russian and international practice of legal regulation of prejudicial prevention of bankruptcies, it is offered to settle at legislative level activities of domestic entrepreneurs in sphere of prejudicial prevention of insolvency of an economic entities.

Keywords: legal status; economic entity; legal regulation; pre-judicial prevention; insolvency (bankruptcy).

Introduction. The Constitution of Russian Federation provides freedom of economic activity and unity of economic area, that creates all conditions for market-based economy and entrepreneurial development in Russian Federation. Market relations require creation of an effective mechanism to eliminate from economic turnover of economically irrational operating subjects. In this regard, there is a growing role of the insolvency institute because it seeks to promote resolution of problem of insolvency of individual entities.

Insolvency law is actively developing in the new Russia for more than fifteen years. Today we can talk about transformation of the approach to objectives of the institution of bankruptcy. If initially as the only goal it was seen the elimination of insolvent debtor and satisfaction of creditors' claims, it is now becoming increasingly important to pay attention on rehabilitation direction. Current bankruptcy law provides at once two rehabilitation procedures, which are possible to use against the debtor under the bankruptcy trial. The purpose of their application is the preservation of this subject, business, enterprise, and, finally, jobs. In

order to meet creditors' claims it is not necessarily to sell the debtor's property. Modern economics has other tools. However, carrying out rehabilitation procedures in judicial practice is extremely rare, thus, successful conclusion in such cases are single.

Today, a significant part of economic entities is on the verge of bankruptcy, falling prices for oil and petroleum products made Russia to remember what is "budget deficit". Drop in demand for its products in key sectors of the economy (construction, automotive, etc.) implies suspension of production, reduction of workplaces. Banking system faced with loan default. This slows down the flow of funds and increases risk of insolvency. Crisis also continues to grow like a snowball, and judicial bankruptcy proceedings threatens to many business entities.

In relation of abovementioned quite urgent becomes a problem of measures on prevention of bankruptcy.

1. Subject's financial responsibility and safety measures

Results of judicial bankruptcy proceedings today evoke no optimism.

If you try to keep track on statistics of bankruptcies since adoption of the 1998 law till present time, we will get approximately following results. Thus, regarding the Insolvency Act in 1998 following was vividly illustrated: “at the beginning of 2003, there were 3960 unfinished monitoring procedures, even for the 5351 cases, this procedure was introduced in reporting year, for a total of 9311 procedures during the year. Let’s pay attention that more than half of these (4850) ended up with declaring the debtor as a bankrupt, while termination of bankruptcy proceedings mentioned only in 712 cases (54 of which are in connection with approval of a settlement agreement), which represents 7.6 %”. “In 2005 from 100,269 bankruptcy proceedings (83,188 cases are residue from previous years and 17081 are newly introduced procedures) was completed in 1533, and in 63 cases it was completed settlement agreement, and in 32 it was repayment of creditors' claims”.

In 2014 it was made 19,238 decisions on declaring debtor as bankrupt and bankruptcy proceedings were opened. 66,816 were completed with production on cases of recognition of the debtor as insolvent (bankrupt: 563 cases were due to the refusal to recognize the debtor bankrupt; for 48,457 cases it was due to the completion of bankruptcy proceedings; on 17,501 cases production was discontinued.

In 2016 the procedure to restore solvency of debtors was carried out against 785 debtors. Cases, when in regard to debtors it was introduced financial recovery procedure, are still rare. In 2016 only in relation to 13 debtors such procedure was introduced (2015 – 21). External control procedure was carried out for 752 debtors (2015 – 947). Proceedings were discontinued due to the repayment of debt and satisfaction of creditors' claims only in 44 cases as a result of these procedures.

As we can see the results of procedures of insolvency are unfavourable neither for debtors (they are liquidated in most cases), nor for creditors (as a result of a sale of competitive weight, means for satisfaction

stay extremely rare for at least a part of their requirements).

There was also obvious one circumstance – all the existing rehabilitation procedures in current bankruptcy law does not bring any results.

All this allows to claim about the real need of application of alternative ways to solve problems of non-payments and gradual decrease in extent of participation of arbitration tribunal in the process of bankruptcy.

In modern scientific researchs, people pay sufficient attention to bankruptcy reasons. At the same time, they allocate rather large number of factors which influence deterioration in solvency of economic entities. So, A. I. Goncharov and M. V. Terentyeva detect a problem good enough, also giving us details, and they offer detailed classification of reasons on basis of division on external and internal factors of decrease in solvency and financial sufficiency of economic entity. Interrelation of these factors is shown differently in each case [4].

A. N. Kostin, G. V. Zavyalov fairly mention as the most probable causes of bankruptcies following:

- «production, being in limited demand in consequence of its moral obsolescence or overproduction;
- production of poor quality products;
- high prices for sold products and in this connection its sale are late;
- low level of use of its capacities;
- considerable debtor indebtedness for shipped goods which were not paid in time” [11].

Authors also reasonably note that other reasons are caused by external factors. For example, the fact that the state enterprises in Russia long time acted on planning basis at low wage, low transport and power tariffs, in conditions of monopolism and opportunity to randomly raise prices depending on concrete expenses. When import goods began to appear in markets, many commercial organizations of Russia became noncompetitive.

In reality, all existing reasons and factors of deterioration in solvency are caused by specifics of Russian enterprise environment. It had been formed in conditions of economy proclaimed as market economy and which replaced command economy. Economic entities (heads of the enterprises, workers, civil officers) living by rules of one system were forced to adapt to absolutely different conditions and laws. The result follows from that point. For example, from more than forty insolvency proceedings (in which the author of the article took part one or another way) about a quarter are simplified insolvency proceedings of absent debtors.

There are enough factors in modern economy which make negative influence of a business unit.

Author of the research pays attention on the most important – in his opinion – details.

For example, the fact that the state enterprises in Russia acted on planning basis at low wage for long time, low transport and power tariffs either, in conditions of monopolism and opportunity to randomly raise prices depending on concrete expenses., many commercial organizations of Russia became noncompetitive when import of goods began to appear in Russian markets.

Actually, all the existing reasons and factors of deterioration in solvency are caused by specifics of Russian enterprise environment. It was formed in conditions of economy proclaimed market and in one stage which replaced command. Economic entities (heads of the enterprises, workers, civil officers) living by rules of one system were forced to adapt to absolutely different conditions and laws. The result follows from that point. For example, from more than forty insolvency proceedings (in which the author of the article took part one or another way) about a quarter are simplified insolvency proceedings of absent debtors.

In particular, Department of the Federal Tax Service in Tyumen region gets a lot of applications for recognition absent debtors as bankrupts. These procedures are provided by government budget. New law which provides a possibility of an exception of legal entities

of unified register administratively did not lead to reduction of lawsuits. In reality, the result is opposite. The practice of Federal Arbitration Court of West Siberian Federal District testifies about problems in qualification of absent legal entities.

There are enough factors in modern economy which negatively influence on a financial condition of economic entity. Author of the research thinks that it is pertinent to pay attention on the most important – in his opinion – details.

The first bankruptcy factor (and here it is already not only about absent debtors, and about all economic entities) consists of decent training level and professionalism lack. Let's give a real practical example. From the case it is obvious that debtor as legal entity was created on basis of a property complex of organization, earlier declared bankrupt. In two years from the moment of creation, the property is on sale in created organization for the insignificant price, at the same time actually payment is not made. In a year, after opening a bankruptcy proceedings the receiver do the action for declaration about collecting debt on agreement of purchase and sale, it becomes clear that again created enterprise already has a pre-bankruptcy state and it is not able to pay on debts.

The essence of a problem is that in all three organizations the head is the same person who within four years resulted in bankruptcy already several economic entities. It is remarkable that each of created legal entities obtained budgetary credits, got fixed assets with use of leasing transactions. In this case it is probably necessary to talk about professional insolvency of the head.

There is a lot of similar situations. Of course, administrative responsibility on such CEO is provided, however its responsibility degree is too small. The solution is possible by means of carrying out monitoring and maintaining register of disqualified heads, and also establishment of obligatory subsequent check again appointed to head regarding his disqualification.

At the same time, there has to be a control from founders (owners of property) behind activity of legal entity. If actions of the head resulted in bankruptcy, then founders bear the share of responsibility in that case [19].

The second powerful factor is insufficient control of shareholders, participants of a, owner of property of unitary enterprise, members of cooperative behind activity of permanent executive body.

The reasons it should be looked for, apparently, among such categories as domestic mentality or legal nihilism, however, it does not remove a problem. In general it would be desirable to specify that the given example is only one of sides of the problem of "imbalance of interests" of the main characters in activity of economic entity.

"Representation of a functional and administrative configuration, which is traditional for the western theory of corporate management, in the form of a classical triangle: "managers are shareholders – workers" is not suitable for Russian reality. It is necessary to take into account an important role of labor collectives, tendency of boss not to consider positions and interests of subordinates, large-scale legal nihilism, a "imperial" role of the company's executive chief [3]. This fair remark is confirmed also by law of practice, allows to speak about the second factor – insufficiency of control of activity of individual executive body from other bodies of legal entity – economic entity.

The third important, in our opinion, is the factor which is negatively affected is a condition of solvency of economic entity – wear of fixed assets. Mostly cases of insolvency, within bankruptcy proceedings, competitive weight is formed of property which not only completely developed the resource but also for a long time became morally old. The most typical example: all real estate objects included in the main property complex were put into operation in the fifties of the 20th century, and even earlier. Other property: motor transport,

machines, equipment is not younger than the beginning of the 80th years. It is no wonder that economic entity is declared bankrupt as it is simple to assume that it is forced to spend a sufficient part of profit constantly for repair, restoration of fixed assets. At the same time, their efficiency does not increase at all, on the contrary, simple repair reduces it.

The given examples do not exhaust all list of the possible reasons of having the investigation lawsuit about bankruptcy concerning economic entity at all. It is much wider. Besides factors' correlation will always be different and will depend on managing branch's specific, region, etc. However, considering limitation of a dissertation research, we will pay attention to considered cases, as on the most widespread and inherent in domestic economic activity, reflecting its specifics and main problems.

It is necessary to recognize that the number of CEO who is trying to reestablish affordability is extremely small. They do not believe in efficiency of judicial processes, but also do not try to avoid them. As a result, after long lawsuits, bankrupts are also those people whom the property was removed to.

Authors revealed internal differentiation of the pre-judicial prevention of insolvency of economic entity, pre-judicial prevention of approach of insolvency and pre-judicial restoration of solvency of economic entity. Criterion is existence of deficiency of current assets in current activity.

However, lack of financial problems doesn't guarantee that economic entity will not break in a bankruptcy in the nearest future. Therefore concern in ensuring own steady solvency looks normal today. For this purpose economic entity is daily obliged to monitor changes of current economic activity and to react immediately to the slightest violations of a normal rhythm

Today, weakness of a legal control occupies one of the main places among reasons of bankruptcies in Russia.

Not just non-payments are created by the imperfection of business unit's legal regulations. It is catalyst of unfair and unfriendly actions concerning economic

entity from third parties. Inefficiency of law rules, their unsuccessful construction which allow ambiguous interpretation, today is base for raiding – activity for hold of others business for generation of profit. This phenomenon, certainly, one of the main problems of modern business which draws increasing attention.

Another more tangled and real situation is – General shareholder meeting (one of the weakest points from the point of view of implementation of corporate capture) makes the decision about placement of additional stocks by open joint stock company by mean of an open subscription. Actions are paid, issue is registered but state registration according to the statement of interested people is recognized as invalid. Result is multimillion accounts payable, claim, the statement for bankruptcy [9].

Complexity of a situation is that from the legal point of view in similar cases everything is “clear”, lawful (hereinafter is available in in view of “white” raiding). There is no violation of someone's rights and legitimate interests. This circumstance also allows to speak about poor quality of a domestic legal regime, this current legislation allows to carry out in fact criminal capture according to real law.

“At first, the aggressor gets the small pack of companie’s stock and then, according to his prefab plan, begins to fight against the company for the purpose of obtaining stocks to purchase at higher price. He uses any misstep of the enterprise. For example, copies of documents of the company which are not provided at the scheduled time are basis to complain in FCSM with further sanctions (fine). Or demand to hold daily extraordinary meetings of shareholders and to elect to them new governing bodies of a company. Claims are submitted according to the Federal law “About Joint Stock Companies” (Art. 71), for this purpose it is enough to own 1 % of stocks”.

There are no doubts about the existence of omissions and gaps in legal regulation of economic activity, that results in insufficient security of subjective rights. Questions of

security and protection of the rights were one of the most significant in the legal theory at all times. It is nesessary to mention pertinently little concept of legal safety developed by some scientists. “Legal safety as a special kind of social safety represents a condition of legal security of vital interests of subjects of law in connection with their entry into the sphere of legal relations; ability to resist by legal means to external and internal threats of objective or subjective character” [7]. This category affects all subjects of law: natural and legal entities which are carrying out an entrepreneurial activity and who are not engaged in such activity.

Rather economic entities “it is necessary to understand a condition of security of those interests of economic entities which consist in systematic receiving profit in the conditions of the maximum decrease in risks of commercial activity at all stages of its implementation, from the external and internal threats having negative economic, organizational, legal and other consequences” as safety of an economic and entrepreneurial activity [15]. Obviously, today economic entities cannot feel “legal security” as raiders, provoking bankruptcy, act only within the law. They as much as possible exploit provisions of acts while the company victim often has even no more or less qualified legal consultation.

The solution of this problem will demand considerable efforts from rule-making bodies and, apparently, considerable time outgivings. At least to reduce number of provoked bankruptcies changes will be required not only – we will name it insolvency act – but also legislation of other branches and institutes, for example, of the joint-stock right. Besides, there are also other aspects of manifestation of negative factor of a weak legal mode, for example, O. D. Grivkov and A. V. Shichanin note that “Civil Code provided by the article 94 and also the article 26 of Law “On limited liability companies” a free exit of participant with receiving part of companie’s property at any time violates interests of other creditors and create a “very limited” company [16].

Let's say the Ltd company leaves participant with a share in 70 percent of authorized capital. Under the law it should pay 70 percent of all property of society that can paralyze economic activity of Ltd company, result in its insolvency.

Similar standards of legislation are capable to strike civil circulation substantially. Their reforming is necessary, therefore, ensuring legal safety of economic entities, first of all is a task of public rule-making authorities.

However, this question has also other plane. The current legislation contains enough norms, while carrying out which economic entity risks to turn into the bankrupt, at the same time, also precepts of law are distributed directly or indirectly on providing steady solvency of economic entities. For example, part 1 of article 73 Federal Law "On Joint Stock Companies" establishes ban on acquisition by society of common stocks placed by it in case at the moment of their acquisition society answers signs of insolvency (bankruptcy) according to legal acts of Russian Federation about insolvency (bankruptcy) of enterprises or specified signs will appear as a result of acquisition of these actions.

The listed norms establish special conditions of commission transactions by economic entities which execution can entail destabilization of their financial state. These norms are designed to guarantee protection of the rights of creditors, and it is possible only in condition of ensuring steady solvency. Considering existing regulatory base in this case, list of similar examples can be continued.

Thus, civil legislation initially pursues aims of prevention of crisis situations in activity of economic entities, therefore, and the pre-trial prevention of their insolvency. At the same time, existing norms are not directly connected by the legislator with prevention of bankruptcies, they only indirectly touch this problem and force the subject to carry out an established order independently of its financial condition, existence or absence of threat of crisis.

In this regard it is possible to claim that the mode of legal safety is present at Russian Legislation, however it is at the low level of development and requires considerable attention, first of all, from scientists-jurists.

2. Forms of pretrial prevent of insolvency of an economic entity

Economic agents do not have time factor to expect the decisions by public authorities, they operate under the existing business environment and legal status.

Of course, in practice, such active work is not an exception. Highlighted aspect of the pre warning insolvency of an economic entity was manifested by the author previously to ensure a stable solvency.

With this respect, legislation lags is behind in development, because in a situation where there is a threat of insolvency or reason to fear a hostile takeover attempt, an entity does not find the rule of law, according to which he could have taken adequate measures. Business entities during the "fight for survival" today actually take various measures aimed at combating crisis. They do this and will do this regardless of the extent to which their activities are regulated by such provisions of the law, especially if they do not contradict.

The role of the legal regulation is to consolidate regulatory behavior of participants, organizers of activity of economic entity in anticipation of a crisis.

This problem has long existence and actively discussed in scientific environment, Mz. Shitkina rightly drew attention to the fact that "protection of a property and other vested interests of the company should be equally important for lawmakers as well as guarantees for shareholders, staff or others stock relations. Only taking into account interests of all subjects of shareholder relations, including corporation itself, in terms of ensuring stability control, asset base, investment attractiveness and so forth can ensure progressive development of the company and satisfaction of the rights and legitimate interests of its members and associated people" [17]. Problems of

inequitable conduct of directors of legal entity also analyzes by Mr. K. Sklovsky [18]. In science of civil law in general issue of bringing to a common denominator is quite crucial among all participants of the legal entity.

For this article – solution of this question will allow to eliminate one of the most significant factors which are traditionally promoting approach of insolvency of economic entity. One of the main prerequisites to the solution of this task – the thesis that the specified subjects have to have uniform interest and an opportunity through joint efforts to resist to external threat. However, practically, such situation is very hard-hitting as legal entity (economic entity) as organization have internal structure. “In the legal entity existence of interests is possible for following subjects: the most legal entity, participants of legal entity, governing bodies of legal entity, employees of legal entity.

Interests of these entities can objectively not coincide which becomes the reason of their collision”. Such collisions is one of the most dangerous phenomena for steady solvency of economic entity, especially, when divergence’s interests differ from interests of legal entity. Example of this situation and its urgency are emphasized by M. G. Iontsev: “practice knows many cases when uncontrolled executive authority begins to subordinate activity of a company to private interests sooner or later. All this, finally, leads to full ignoring of legitimate rights and interests of shareholders, to deterioration in a financial position of the company. Author had to come up against situations in which heads of joint stock companies concluded bargains obviously unprofitable for a company. Heads of companies very often weren’t going to receive money for “selling” the production. A company in this case had a hopeless debtor. It is simple to assume that released production quickly was on sale, money was cashed and some of their part “settled” in a pocket at the CEO. In certain cases “conscientious” leader even appealed to court

and received a executive writ on collecting debt, however, there was nobody to collect it” [8]. As we can see, the problem is urgent and draws increasing attention.

Similar cases aren’t rare in modern domestic enterprise environment and their consequences pour out in insolvency of economic entity which is struck with a divergence of interests. The key to solution is covered in definition of predominating interest from the list stated above, that is criterion on basis of which collisions of interests have to be resolved.

Mr. K. Pronichev proposes such solution: “We think that all interests arising when functioning of legal entity have to correspond to interests of its participants and do not break them. Domination of interests of participants over interests of other subjects is caused by the fact that participants define a possibility of creation and existence of legal entity untill its termination. Thus, the main criterion of resolution of conflicts of interests should be considered as its permission according to interests of participants” [14]. Despite the persuasiveness of the argument of this point of view, it is not possible to agree with it as even the author does the reservation that if realization of interest of participant causes damage to the organization in general, legislator as a rule rises in defense of its interests.

Recognizing existence of independent interest of legal entity unlike interest of its participants, it is expedient to proclaim also a priority of this interest over all others. This interest is also a criterion for resolution of conflicts. Its observance means a possibility of preservation of steady solvency of economic entity for the real research.

For a further research of possible ways of elimination of an imbalance of listed interests, removal and smoothing of contradictions, we will address possible forms of interaction of participants of intraeconomic relations. Legislator here uses various tools, for example, at structure of governing bodies of a joint stock company there is such body as board of directors (supervisory council) urged to control

executive bodies and to some extent to protect interests of shareholders.

Functioning of the auditor (commission of audit) is provided in structure of economic societies. These divisions are urged to carry out monitoring of activity of economic entity (besides other tasks) it is possible to say that one of their purposes is additional control of solvency of economic entity, maintenance of its stability.

Unfortunately, there is no opportunity to claim that this task is reached everywhere. The number of bankruptcies (including "provoked" bankruptcies) clearly demonstrates inability of many economic entities to provide its own solvency.

It is necessary to support the way of solving the problem which is offered by A. A. Fomin: "the most preferred solution for perspective firms is creation of its own legal service for upholding legitimate interests within "legal boundaries". The legal service of the enterprise prepares necessary offers about reorganization of system of relationship of organization with public authorities and institutions, develops internal regulatory base, organizes and holds all necessary events for ensuring legal safety of the enterprise which correspond modern legislation and changing of economic realities" [7].

It is about special structure, division, service, body of legal entity which problem is development of offers on taking measures to the pre-trial prevention of insolvency, by means of including creations of local regulations. On the basis of developed recommendations and norms, further intraeconomic and other relations of economic entity are under construction.

Main objectives of anti-recessionary headquarters shortly look so: "The first is carrying out special corporate audit – diagnostics of reliability of protection of the company against unfriendly absorption and corporate blackmail. The second task is formation of an anti-crisis plan. The third task is methodical implementation of this plan. As well as any other document of its kind it contains headings "terms" and

"performers". The fourth task is preparation and practical working out of main scenarios of defensive actions in relation to the main formats of aggressive corporate actions. The fifth task is definition of sources and real formats of financing of corporate defense (ideally it is formation of reserve anti-crisis fund). The sixth task is conducting of "staff exercises" as working out coordination of members of headquarters and structures which they represent".

There is no secret that these statements do not bear special novelty. They only illustrate existence of quite effective and practical way of prevention of the crisis phenomena in activity of economic entity and ensuring steady solvency consisting in creation of special collegial body aiming at creation of corporate defense against external unfriendly influences. Such body develops and realizes step by step the plan of measures, which allow to minimize corresponding risks.

There are tools to protect the subject himself. The problem is that anti-recessionary headquarters is shadow body of legal entity and legislation does not comprise a possibility of its creation on a legal basis. The position when the role of the legislation consists in providing of economic entity by free realization of the right to create in structure bodies service which is engaged in corporate defense by means of norms is represented to authors as more correct. Besides, in the foreign legislation there are such examples (committee of enterprise provided by the legislation of France).

Let's consider more details than characteristics of "anti-recessionary headquarters", compare them to characteristics of existing bodies and structural divisions of legal entity from the point of view of science of civil law.

According to professor Mogilev S.D. "analysis of various definitions of body of legal entity allows to formulate following main signs of body of a joint stock company as body of legal entity: body of legal entity is certain organizationally issued part of legal entity presented by one, or several natural

persons; body of legal entity is formed according to the order determined by law and constituent documents; body of legal entity has certain power which realization is enabled within its own competence; will of legal entity is made out by means of adoption of special acts of bodies of legal entity which types are defined by the legislation" [12].

Leaning on this position, "we will try on" these signs to anti-recessionary headquarters. Only the first sign can fully concern to him. Statement that anti-recessionary headquarters are organizationally issued part of legal entity presented by several natural persons is true. The anti-recessionary headquarters don't possess the second sign and it is obvious that the legislation defined the list of bodies for all legal forms of legal entities, moreover, also circle of powers of all these bodies is defined. The legal entity, participating in economic circulation, is capable to carry out by means of its bodies any activity within the legal framework, therefore, existing bodies and their powers (in total) are enough for effective functioning of economic entity. All decisions of anti-recessionary headquarters will be included anyway into competence of any existing subject and only decision of this body within its competence can become will of the legal entity. Thus, second, third and partially fourth signs are not inherent in anti-recessionary headquarters.

The question arises only concerning will of the legal entity. This process is difficult and it appears that anti-recessionary headquarters can participate in it and, obviously, participate in case of creation.

It is possible to claim reasonably that the anti-recessionary headquarters cannot be body of legal entity as it is not intended for realization of legal personality for the last [21].

According to authors, anti-recessionary headquarters can be considered as a certain balancing tool of interests of persons who participate in activity of the legal entity. It is organizational structure (council, center, branch, department) which is engaged in regularly and due to time reveals contradictions of interests of persons who are

interested in activity of economic entity monitoring trends of its change, analyzes bargains concluded by the organization, carries out monitoring of local regulations, eliminates their contradictions, informs bodies of legal entity, etc. Generally, carries out those tasks which will be set for it internal act of legal entity regulating its creation and functioning. Let's add that such headquarters can be attracted experts who are not employees of the organization but can be employed on a contractual basis.

It is important from these positions to guarantee participation in work of headquarters of participants (shareholders, owners) of legal entity. Perhaps even investment with their "veto" at adoption of recommendations about questions carried for consideration of headquarters. It will allow to avoid a situation when anti-recessionary headquarters become "puppet" in management hands and not conductor of interests directly of the legal entity.

According to authors, creation of special unit of the legal entity which is carrying out monitoring of financial activity, development of offers for optimization of administrative activity, improvement of local regulations is capable to influence ensuring steady solvency favorably. Questions of bases and order of creation, can be regulated by regulations. Legislator's task is to bring structure out of a shadow, if economic entity creates such education according to the law, it is opened and it is public, involves experts, famous in the field of crisis management, in its work, one this fact is capable to reduce considerably risk of unfriendly actions from outside. To absorb one business defenseless, another is to absorb one who really shows ability and readiness for defense. Besides, anti-recessionary headquarters are capable to prove also in fight against other negative factors as a problem of non-payments, weariness and obsolescence of fixed assets, etc.

The following aspect deserving attention is monitoring of the current financial activity, the majority of crises threatening to the enterprise can be quite predictable as it's gradually become ripe. Trouble will happen

if management does not have enough knowledge or experience or a simple intuition to make out threat and to take appropriate measures for suppression of its development in due time. At the same time there will always be a capable expert who can see such threat and it is necessary to address his services in time.

For forecasting and planning of further activity of economic entity, managers have to have an opportunity to really estimate the cost of the enterprise, its potential, resistance to crisis situation. Also they should see similar estimates in competence of professional auditors, appraisers. Their conclusions and offers become a strong basis of construction and implementation of anti-recessionary program.

It is quite natural that average head or the owner of business will hardly want to reveal trade secrets to the auditor if does not see still real threat of solvency. Basis of specifics of voluntary audit and assessment is in it. Nevertheless, it is extremely difficult to resist crisis or unfriendly actions from outside without them.

It is possible to claim that audit and assessment of business are basis of implementation by manager economic entity of continuous financial monitoring of activity of organization. These are significant tools in a question of ensuring steady solvency of economic entity.

The economic entity will be able to keep steady solvency, only due time obtaining information on weak points of business. This statement finds confirmation and in other scientific research even more often [5].

It is possible to claim that audit and assessment of business are basis of implementation by manager economic entity of continuous financial monitoring of activity of organization. These are significant tools in a question of ensuring steady solvency of economic entity.

Auditor activity today is one of the most interesting and dynamically developing branches. From the point of view of the pre-judicial prevention of insolvency of economic entity, provisions of this law

concerning purposes of audit and establishment of cases of carrying out obligatory audit are of special interest.

The legislation fixes the list of cases of obligatory audit of separate organizations. It is thought that this norm has a number of hidden purposes up to monitoring offenses in the enterprise environment. At the same time, undoubtedly, such monitoring in many ways will facilitate also ensuring of steady solvency of economically or socially important subjects.

Correlation of this list with those types of service which appear when carrying out audit allows to claim that legislation in this case contains effective mechanism of the pre-judicial prevention of insolvency of especially significant economic entities consisting in tracking and forecasting of emergence of crisis phenomena in financial sphere, consultation and development of offers on their suppression.

The purpose of audit is formulated by the law as follows: "expression of opinion on reliability of financial (accounting) statements of the audited faces and compliance of an order of conducting accounting to legislation of Russian Federation". This declaration is submitted not quite suitable, law contains a list of accompanying services which looks as follows: statement, restoration and conducting accounting, drawing up financial (accounting) statements, accounting consultation; tax consultation; analysis of financial and economic activity of the organizations and individual entrepreneurs, economic and financial consultation; the administrative consultation including connected with restructuring of organization; legal consultation, and also representation in trial and taxing authorities on tax and customs questions; automation of accounting and introduction of information technologies; estimation of cost of property, assessment of enterprises as property complexes, and also enterprise risks; development and analysis of investment projects, drawing up business plans; carrying out market researches; carrying out research and experimental works

in the area connected with auditor activity and distribution of their results, including on paper and electronic media; training in order of experts established by legislation of Russian Federation in areas connected with auditor activity; rendering other services connected with auditor activity.

This list, considering besides its openness, makes an impression that the real purposes of audit are more versatile and concrete. Obviously, their specification is a task of direct treaty parties. At the same time, process of conclusion in itself and fixing of these or those terms of contract is also quite in detail regulated. Government of Russian Federation approved special rules (standards) of auditor's activity. These rules (standards) are in detail regulate all process of carrying out audit of organization from conclusion of contract for rendering auditor services before application of certain procedures. Standards are obligatory for auditor and audited face, except for those provisions which indicate advisory nature.

Existence of such rules in system of legislation is represented in general by positive moment, however, the provisions which are contained in them in practice often cause difficulties. For example, Andreyev V. K. reasonably raises a question that sounds "who has to sign the contract on carrying out audit from the audited face" [2].

Join-stock companies act carries statement of auditor of society (subitem 10 of item 1 of Art. 48) to competence of general shareholder meeting, and subitem 10 of item 1 of Art. 65 provides that determination of amount of fee of auditor is carried out by the board of directors of a joint stock company. It is difficult to present how it is possible to pick up qualified auditor if recommendations of amount of payment of auditor are solved by the board of directors of society. Mentioned nonagreement of these provisions of the law "Join-stock companies act" turns out that in practice it leads to obvious infringement of the rights of supreme body of management of a joint stock company. Noted discrepancy between appointment of auditor and payment of his services reaches almost

unsoluble contradiction if extraordinary general shareholder meeting is convened according to Art. 55 of the Join-stock companies act. The law does not resolve on audit, this issue though within its legal framework has to be resolved".

This problem is really urgent. In this situation provisions of the law provoke a situation in which factor of an imbalance of interests of persons interested in activity of economic entity, which is earlier allocated with us as one of the main, leading to bankruptcy artificially becomes aggravated [9]. If to assume existence of divergences of interests, board of directors and general meeting, carrying out audit that can be blocked which will end up in impossibility of timely monitoring, as a result, in time not revealed problem can expand and cause essential damage to a financial condition of economic entity.

Moreover, participation of executive bodies of the legal entity in the conclusion in contract on audit, in general leads to the fact that irrespective of real financial performance of economic entity vast majority of audit reports are positive. According to authors, provision of the Law concerning appointment of auditor's general meeting, is expedient to develop and delegate all powers on commission and execution of transaction about carrying out audit to a general meeting. Such decision will allow to avoid abuses of management.

Enough attention is paid in scientific research to a problem of statement of tasks at the conclusion of contract for rendering auditor services. Audited face always has to realize what audit is for, what its purposes are. What is required to be found out, established by its results. All these questions have to be in details stipulated by the parties at conclusion of the contract. Statement of tasks are a fundamental principle of anti-recessionary audit. In practice, solution of this problem can be quite difficult. Not always audited face is capable to formulate the questions for the auditor in process of signing the contract.

It is necessary to agree with fair opinion of O. Osipenko that “option when the model of specification is born following results of so-called predesign analysis is ideal. It can be expressed in a research of corporate or other urgent documents, key for this project, on which the customer (an obvious gap in defense), or holding developed interviews with devoted heads in corporate details or, at last, a combination of a blitz interview with previously written “questionnaire”. In that case by preparation of TZ the situation clears up” [13].

From the point of view of the legal equipment the solution is possible by means of fixing in contract on rendering auditor services of a condition on predesign analysis. Unfortunately, today the standard No. 12 (coordination of conditions of carrying out audit) does not provide a possibility of inclusion of this condition in the contract, indicating need of fixing for the contract purposes of audit that as we can see is not always possible at this stage.

In these conditions, according to the author, the parties have the right to confine to general phrases about audit purposes which will find a specification later, in developed technical tasks. If it is necessary results can be issued as additional agreement to the contract.

As for conditions of predesign analysis, it is expedient to enshrine them in the contract, the list of the Rule No. 12 in fact does not limit sides in the choice of conditions.

Considering everything stated, reasonable conclusion is that current legislation contains real legal means and mechanisms for ensuring continuous monitoring of economic activity practically for any organization. Perhaps, there are some defects and inaccuracies but in general it is obvious that businessman interested in preservation of the business, “thinking”, without special difficulties and is able to provide timely diagnostics and identification of various factors arising in functioning of organization, promoting destabilization of its financial state.

Let's continue to model mechanism in the way of prevention of the crisis phenomena for ensuring steady solvency of economic entity. In general, something is quite often mentioned in literature similar to an anti-crisis plan (stabilization program, anti-recessionary program, plan of financial improvement), at least essence is always one. Z. Ayvazyan, V. Kirichenko consider that “instrument of crisis management is stabilization program. Stabilization program, in our opinion, has to include a complex of actions directed to restoration of solvency of the enterprise” [1]. But anti-recessionary program treats crisis strategically – it is aimed not only at its overcoming but also at prevention and also at competent post-crisis reaction.

The given points of view, allow to claim that planning is integral tool of pre-trial prevention of insolvency of economic entity. At the same time, in each concrete situation it will have features, so in case of lack of real crisis, it can be just stabilization program providing insignificant preventive actions and in the presence of insolvency signs, it is already in details worked plan of large-scale actions for reforming the enterprise.

Also there is an interesting fact that attention to such programs was paid not only by experts but also by rule-making bodies, so the Order of FUDN for No. 98-P “About statement of a standard form of the plan of financial improvement (business plan), an order of its coordination and methodical recommendations about development of plans of financial improvement” is published 12/05/1994 (it wasn't officially published).

This act rather in detail regulated contents of the plan of financial improvement and contained detailed recommendations about its development. The main source of necessary money for implementation of such program, according to item 2.5 of section 2 of the standard plan is public financing or remedial actions. Obviously, absence in principle did not allow this act “to earn” the ideas of extraction of funds for realization of planned actions from alternative sources

(formally it worked about ten years and terminated only in 2003).

Implications: Thus, the legal regulation of the development and performance of any stabilization or anti-crisis programs (plans) is absent today. However, this applies only to the relations connected to pretrial warning to insolvency, if we talk about the trial, in the course of rehabilitation procedures (external management and financial health), similar documents are provided.

We believe that achievement of purposes of pre-trial warning insolvency of an economic entity is unlikely to be possible without pre-planning of activities as it considered necessary in a specific case, therefore, normative regulation of relevant programs will obviously be in demand.

However, considering previously proposed gradation of pretrial warning failure to ensure solvency and stable pretrial restoration of solvency under the first planning is less significant as there can be no question of holding any large-scale changes (sale of the property complex, reorganization, etc.). Also fix some "minor flaws" in current economic activity, identified, for example, according to the results of the audit, is possible even without preparation. If there are a lot of "flaws", it becomes appropriate to develop programs and to define terms and performers but the question is that an entity may have to do it independently. Legal regulation of such activity, we believe, is redundant, so under this section further research in this area doesn't seem necessary.

Conclusion. Thus, as to legal regulation of pretrial prevent of insolvency of a business entity (ensuring steady solvency) author can make following conclusions:

The review of domestic civil legislation during the modern period, devoted to organization of activity of a business entity allows us to establish that ensuring steady solvency of business entity represents one of the main problems of the current legislation, even if these problems are currently hidden. Legal regulations which are devoted to this problem, presented in many regulatory legal acts on the level of federal legislation. It is possi-

ble to claim about existence of a system of standards establishing certain restrictions of actions of juridical person or strictly regulating fixed sequence of such actions in some situations. These standards help to achieve the reduction of an unjustified risks in situations where solvency of business entity sharply reduces.

Distribution of mentioned standards can be considered as a process of becoming "control of juridical security" economic entity in Russian legislation. The last is essence of a set of conditions under which activities of an economic entity, through legal norms, protected from the negative factors affecting the solvency.

From the point of view of sustainable solvency of a single economic entity two points become crucial. The first. The entity must have an efficient and effective structure of managerial bodies. All actions and decisions of each individual authority should be subordinated exclusively to interests of a legal entity as economic entity, and not for any other person representing a particular organ. Management on the entity should be based on a clear and explicit division of powers between the bodies of a legal entity. Decisions of various bodies should not contradict to each other and be accepted on the same question as it can block decision-making in general. The structure of bodies has to provide adoption of timely and effective decisions. The second. Monitoring of its current economic activity is necessary for ensuring steady solvency.

Most brightly the orientation of legislation on providing of steady solvency of managing subject shows up in the legal adjusting of audit of organizations (including obligatory). The last is an instrument of periodic monitoring of current activity, allowing in good time to diagnose and prevent the possible difficulties, related to motion of financial streams or restriction of interests of managing subject from the side of persons participating in organization of his activity.

In order to timely and effective actions to prevent the impact of some negative factors

on the activity of economic entity, the latter should be used to create special units of time, whose activity is entirely devoted to prevent crisis. Normative regulation of activities of such units is carried out mainly by local rule-making. In terms of legislation, it is rational for only a general declaration of the possibility of creating such structures.

Bibliography

1. Aivazyán Z., Kirichenko V. Anticrisis management: decision-making on the edge // Anticrisis and external control. – 2014. – № 4. – P. 37–42.
2. Andreev V. K. State regulation of auditing activity // Business Law. – 2006. – № 1. – C. 29–31.
3. Bergman Y., J. Callen. Opportunistic Behavior in Debt Renegotiations and an Interior Optimal Capital Structure of the Firm Without Dead weight Costs // “Journal of Financial Economics”. Vol. 28, pp. 109–123.
4. Goncharov A. I., Terentyeva M. V. Pretrial restoring of solvency of an economic entity. SPb: Publisher R. Aslanova “Legal Center Press”. 2014. – 154 p.
5. Deshko A. E. Monitoring of activity of enterprise as a mean of preventing insolvency // Business Law. – № 3. – P. 13–15.
6. Federal Arbitration Court of West Siberian District. (2007) Case № Ф04-6951/2007 (38898-A81-10) // Bulletin EAS RF. – № 4.
7. Fomin A. A. (2013) Law and legal safety: relationship and interdependence // Journal of Russian law. – № 11. – P. 101–108.
8. Iontsev M. G. (2005) Joint stock companies. – M.: Os’-89. – 416 p.
9. Izuymov I. V., Khairullina N. G. Legal basis of the state and municipal administration. Lecture course. – Tyumen : TSOGU, 2015. – 426 p.
10. Izuymov I. V., Kurkin V. B. Legal regulation of pretrial prevent insolvency of an economic entity. – Tyumen, Publishing House of the “Oil and Gas University”, 2013. – 173 p.
11. Kostin A. N., Zavyzlov G. V. Terms and signs of bankruptcy // Lawyer. 2012. – № 2. – P. 45–49.
12. Mogilev S. D. Actual problems of educational bodies of joint stock companies and formation of their competence // Taxes (newspaper). – 2014. – № 12.
13. Osipenko O. Crisis audit companies // Mergers & Acquisitions. – 2004. – № 11 (21). – P. 52–55.
14. Pronichev K. Criteria resolution of conflicts of interest in legal entities // Lawyer. 2006. – № 2. – P. 25–27.
15. Rubinstein A. Perfect Equilibrium in a Bargaining Model. // “Econometrica”. – 1982. – Vol. 50. – P. 99.
16. Shichanin A. V., Grivko O. D. Trends in the development of the institute of “legal entities” in Russian civil law. Search balance problems of a legal entity interests of its members and creditors // Lawyer. – № 2. – 2010. – P. 24–34.
17. Shitkina I. The ratio of interests of various groups of shareholders and managers in management of company // Economy and Law. – № 12. – 1998. – P. 80–87.
18. Sklovsky K. About consequences of transactions despite the interests of the head of organization // Economy and law. – № 5. – 2008. – P. 88–92.
19. Steinfeld R., Steinfeld S. The Family Lawyer's Guide to Bankruptcy: Forms, Tips, and Strategies. “ABA Book Publishing”. – Vol. 106. – 2014. – P. 227.
20. The Arbitration Court of Tyumen region. Archives. The case number A-70-4712 / 3-2007. // The Bulletin EAS RF. – № 2. – 2007.
21. Weiss L. Bankruptcy Resolution: Direct Costs and Violation of Priority of Claims. // “Journal of Financial Economics”. – Vol. 27. – 1990. – P. 295.

© Izuymov I. V., 2017.

УДК 346.9

DOI: 10.24045/sc.2017.3.6

МЕСТО И РОЛЬ БИРЖЕВЫХ ОБЫЧАЕВ В СИСТЕМЕ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

С. В. Абрамова

*Кандидат биологических наук, доцент
Тюменское высшее военно-инженерное
командное училище имени маршала
инженерных войск А. И. Прошлякова
г. Тюмень, Россия*

THE PLACE AND ROLE OF STOCK EXCHANGE PRACTICES IN THE SYSTEM OF THE CURRENT LEGISLATION

S. V. Abramova

*Candidate of Biological Sciences, assistant professor
Tyumen Higher Military Engineering Command
School named after Marshal of Engineering Troops
A. I. Proshlyakov
Tyumen, Russia*

Abstract. The purpose of this article is to examine the legal status of the exchange and customary to perform its essence, the current legislation of Russia, given Czarist and international practices.

Keywords: exchange; legal regulation; economics; entrepreneurship; legal practice.

В дореволюционное время биржевой обычай занимал отдельное место в системе нормативно-правового регулирования. На сегодняшний день специальных норм, закрепляющих определение биржевого обычая на законодательном уровне, не предусмотрено. Нормативной основой, регулирующей сходные отношения, может служить лишь положение, предусмотренное в гражданском законодательстве. В частности, в ст. 5 ГК РФ содержится понятие правового обычая.

В соответствии со ст. 5 ГК РФ, обычай – сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности или иной деятельности правило поведения, не предусмотренное законодательством, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе.

Исходя из вышеизложенного, обычаем следует признать только то правило поведения, которое отвечает следующим признакам:

1) устойчиво и достаточно определено в своем содержании;

2) широко применяемо;

3) не предусмотрено действующим законодательством или договором;

4) возникает в сфере предпринимательской или иной деятельности;

5) установленное или зафиксированное в каком-либо документе [1].

Указанные признаки позволяют более четко определить сферу применения обычая.

Как установлено ст. 5 ГК РФ, он может распространяться на всю область предпринимательской деятельности. Другим признаком, сближающим обычай и источник права, выступает положение, предусматривающее: в случае отсутствия необходимой нормы законодательства или отсутствия определенного условия в договоре он применяется непосредственно и имеет юридическую силу независимо от воли участников. Вследствие этого он обязателен для правоприменения судами и другими органами.

Учитывая широкий круг регулируемых отношений, обычай можно применять и во внешнеторговой сфере, регули-

ровать торговлю внутри страны, в частности и на товарных биржах.

К сожалению, на сегодняшний день на товарной бирже не выработано ни одного биржевого обычая. Такая ситуация отрицательно влияет на развитие биржевой торговли. Применение биржевых обычаев могло бы в случае отсутствия определенных норм законодательства или соответствующих условий в договоре, упорядочить и гарантировать соблюдение интересов участников биржевой торговли.

Вместе с тем обычай был развит в России в дореволюционное время [2]. Авторы того времени пишут об обычае, как о сложившемся институте в системе права.

Так, Цитович П. П. характеризует обычай как обыкновение, как нрав, как заведенный порядок, как твердое и постоянное существующее в торговле правило [3].

Другой дореволюционный юрист Невзоров А., рассматривая в своих трудах биржевую торговлю, отмечает, что существуют основания для установления правил составления свода торговых обычаев, утвержденных выборными биржевого общества от 6 июня 1877 г. [4]

Руководствуясь этими основаниями, на дореволюционной Санкт-Петербургской бирже формируется специальная комиссия для кодификации торговых обычаев, которая имела целью определять и систематизировать все торговые обычаи, сложившиеся в биржевой торговле.

Большинство торговых обычаев выработано было на Санкт-Петербургской, Одесской и Рижских биржах.

В качестве примера рассмотрим обычай, существовавший на Одесской бирже. Так при продаже хлеба было принято ставить условие «около», согласно которому продавец имел право поставить на 10 % больше или меньше оговоренного сторонами количества. Также было принято исчислять срок заключения договора по приятию товара с зафрахтованного судна со следующего дня. Убытки, случавшиеся в результате повреждения груза при его

транспортировки, лежали на обеих сторонах в равных пропорциях.

На Санкт-Петербургской бирже упоминаются и другие обычаи. В частности, при покупке на бирже ценных бумаг за наличные деньги, они должны быть доставлены не позднее третьего дня после заключения сделки.

В случаях, когда срок выпадал на день, когда биржа не работает, то доставка должна быть осуществлена на следующий после не рабочего, день [5].

В международной биржевой практике обычай также играет весьма значимую роль. Особенно широко обычай применяется на товарных биржах в Америке.

Сложившаяся международная и российская дореволюционная практика показывает насколько важное место занимает обычай в правоприменении.

Мы считаем, что в настоящее время, необходимо вести работу по разработке и внедрению в биржевую практику обычаев. Функции по их разработке следует возложить на товарную биржу и торгово-промышленные палаты. Совместная работа товарной биржи и торгово-промышленной палаты позволит выполнить поставленную задачу более эффективно. При этом, за основу следует взять обычаи делового оборота, сложившиеся как на международных товарных биржах, так и на дореволюционных биржах России, а также судебную и биржевую практику по вопросам о применении и признании обычаев, досудебную практику биржевой арбитражной комиссии по спорам, связанным с заключением биржевых сделок между участниками биржевой торговли.

Библиографический список

1. Изюмов И. В. Гражданско-правовое положение товарной биржи : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2008. – С. 12.
2. Изюмов И. В., Харамзин Т. Г. Экономика традиционного природопользования коренных народов севера: теоретические аспекты разви-

тия // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 12–5. – С. 1025.

3. Цитович П. П. Учебник торгового права. – С-Петербург : Изд. Книгопродавца Н. Я. Оглоблина, 1891. – С. 35.
4. Невзоров А. С. Русские биржи. – Юрьев., 1899. – Вып. 4. – С. 74.
5. Изюмов И. В. Трушников Д. Ю. Гражданско-правовое положение товарной биржи. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2010. – С. 76.

Bibliograficheskij spisok

1. Izjumov I. V. Grazhdansko-pravovoe polozhenie tovarnoj birzhi : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata juridicheskikh

nauk / Kazanskij gosudarstvennyj universitet im. V. I. Ul'janova-Lenina. – Kazan', 2008. – S. 12.

2. Izjumov I. V., Haramzin T. G. Jekonomika tradicionnogo prirodopol'zovanija korennyh narodov severa: teoreticheskie aspekty razvitija // Fundamental'nye issledovanija. – 2015. – № 12–5. – S. 1025.
3. Citovich P. P. Uchebnik torgovogo prava. – S-Peterburg : Izd. Knigoprodavca N. Ja. Ogloblina, 1891. – S. 35.
4. Nevzorov A. S. Russkie birzhi. – Jur'ev., 1899 – Vyp. 4. – S. 74.
5. Izjumov I. V. Trushnikov D. Ju. Grazhdansko-pravovoe polozhenie tovarnoj birzhi. – Tjumen' : TjumGNGU, 2010. – S. 76.

© *Абрамова С. В., 2017.*

KULTURA, PSYCHOLOGIE A ČLOVĚK

UDC 316

DOI: 10.24045/sc.2017.3.7

VALUE ORIENTATIONS OF RUSSIAN YOUTH

H. N. Sadykova

*Candidate of Sociological Sciences
Tyumen Industrial University
Tyumen, Russia*

Abstract. In this article on the basis of analysis of sociological, cultural, philosophical concepts there are three main approaches to the definition of value. Sociocultural approach allowed us to identify the value as an element of a society's culture. According to this approach, values and ideals form orientated person in the world and motivated to action. The main part of the article is based on the results of sociological research conducted by authors, on which bases was found a number of laws. Author applies perfectly-typological approach for the construction of social and cultural patterns of value orientations with a specific socio-cultural code. Authors also examined the concept of social types among the latest research. According to N. I. Lapin concept, author comes to the conclusion that in conditions of transformation processes in society, social types reflect social changes.

Keywords: values; value orientations; generation; intergenerational continuity; cultural continuance; generation problems; intergenerational interactions.

Introduction. The problem of value orientations in the structure of succession of generations is one of the most urgent problems of social development. Its content and intensity is determined by specific historical conditions. During transformation period the character of continuity changes, there is a weakening of traditional ties between generations. Abrupt changes reinforce differences between them. Actualization of values and attitudes happens in the minds of Russians, which previously were under ideological ban (entrepreneurial activity, presence of a cup of ownership) or had declared a formal character (freedom). However, this process is long-lasting, and world transformation is slower than ongoing economic and political transformation. Therefore, there is the problem of identifying relevant basis for the formation of value orientations and cultural continuity in social and cultural space in the region.

Conditions of model of spontaneous socialization of younger generation may not always objectively assess spiritual heritage, which must be handed over to him by older generation. Representatives of the young

generation perceive social and financial situation of older generation, firmly established during the years of the Soviet social system, as a basis for its development in new conditions, and at the same time as unfortunate and hopeless. The system of norms and ideals, which they held and still cannot give up until now, prevented young people to fit into the new market relations. Negative assessment of younger generation in older generation point of view is associated with a decrease in values of spiritual and moral values among young people, with such widespread phenomena among young people as crime, drug addiction and other forms of deviant behavior.

Progress in reformations to a large extent depends on whether there are changes in culture, in structure of values, and if so, how fast and in what direction. Therefore, to better understanding the development of society, study of reverse process of how influence of the system and the structure of values and value orientation, personality of success held political and economic transformation is also very important and significant.

The problem of studying the values and value orientations are actively developed in foreign and domestic philosophical, cultural, sociological sciences. Value as an abstract criterion and the most preferred point of view has been studied in the works of O. G. Drobnitskii, N. Luhmann, G. Rickert, M. Rokeach and others. Socio-cultural approach to the study of values prevalent is in the works of L. A. Belyaeva, F. Woods, M. I. Lapin, P. A. Sorokin and others. Systemic property values in one way or another examined by L. A. Belyaeva, M. Weber, V. V. Karacharovsky, N. I. Lapin, T. Parsons, O. I. Shkaratan, V. A. Poisons and others.

Contribution to the study of values and value orientations also have modern domestic and foreign scientists as P. Berger, J. M. Bepalov, V. Y. Boyko, Y. R. Wisniewski, L. G. Byzov, V. V. Gavriluk, G. M. Denisovsky, I. G. Oaks, A. G. Zdravomyslov, S. N. Ikonnikova, R. Inglehart, V. A. Kondakov, Y. Levada, V. T. Lisowski, T. Luckmann, M. Meade, N. F. Naumova, P. M. Nureyev, L. M. Smirnov, Z. T. Toshchenko, N. A. Trikoz and others.

Many studies of values and value orientations as an object of study considered a certain social group of workers, engineers in research of A. G. Zdravomyslova, V. A. Yadova; youth (K. G. Barbakova, V. V. Gavriluk, S. N. Ikonnikova, V. T. Lisowski and others), etc.

Method. To achieve objectives, scientific methods were applied in theoretical level of research and sociological research methods. As empirical methods of data collection were: analysis of documentary sources, secondary analysis of the data of sociological surveys and questionnaires. Also, statistical analysis was carried out, which was the key indicators reflecting dynamics of intergenerational interactions.

Empirical base of the study is a secondary analysis of the data of sociological research on value orientations and intergenerational interactions, conducted over the past twenty years in various regions of Russian Federation. The most important work are

projects conducted by the Center research values at the Institute of Philosophy Academy of Sciences under the leadership of N. I. Lapin: "Our Values Today" of 1993–1995 years and "dynamics of population values in reformed Russia" [3]; a study that was conducted under the direction of St. Petersburg State University NIIKSI V. T. Lisowski in 1999–2001 case study "Fathers and Sons: Dialogue or Conflict?" [8]; project "Tomsk Initiative", conducted by L. M. Smirnov, I. G. Dubov, E. Sh. Kurbangaleeva, L. G. Byzova, G. D. Nightingale, A. V. Vinarsko, A. Hodonovym, V. V. Petukhov, V. I. Tyupa, A. A. Khvostov, O. M. Zdravomyslova dedicated to the study of the basic values in the context of transformation processes.

The bulk of the article is based on the results of sociological research, conducted in 2013–2014. The survey included population aged 15 years in the amount of 700 people who live in the south of Tyumen and Tyumen region. In order to perform a comparative analysis of generational groups, the study was conducted on a stratified multi-stage sample of related parameters: gender, age, education, socio-professional status, which provided that the margin error is no more than 5 %.

The degree of elaboration. Authors on the basis of an analysis of sociological, cultural, philosophical, sociological concepts separate three main approaches to the definition of value:

1. Value as the most preferred point of view of the individual is independent on circumstances: abstract criteria, which operates by individuals.

Value is determined by N. Luhmann as a point of view, which distinguishes the most preferred in comparison with the others, effects on the action [9]. In theories of H. Rickert values do not belong to the field of objects or subjects to the field, they are independent. If the world consists of reality and values, their variance is a world problem [11]. O. G. Drobnitsky stated: the value is "animated objects". The values we have, therefore, not dealing with the properties of

things as such, but with relationship between people, crystallized in these subjects [2]. M. Rokich defines value as "abstract ideas, positive or negative, are not associated with a particular object or situation, expressing beliefs about human behaviors and preferred purposes» [13]. Values are not supporting an extension to the economy and politics, and generalized representation of people with respect to objectives and norms of their behavior, embody historical experience and express the meaning of a concentrated culture of a particular ethnic group and of all humanity. It exists in every human creation benchmarks with which individuals and social groups relate their actions [3]. According to Durkheim, the scale of values is free of subjective and changeable individuals assessments. Values are part of life of the world or the world of everyday life. This intersubjective world in which people are, on the one hand, creators of social reality and, on the other hand, are constrained by the previously formed social and cultural structures, created by their ancestors [12].

Based on these definitions, value was extracted from the context of a practical-sensuous activity as abstract (symbolic) generalized representation, people operate them and compare them using thoughts, imagination, without resorting to cut and try method.

Thus, according to these concepts, values is desired, preferred for a given social entity (individual, social group, society) state of social relations, principles and practices of social relationships; measure of actual, phenomena; they determine the meaning, the strategy of purposeful activity and thereby regulate social interactions, internal drive activities. In other words, the value forms ideals and forms, and orients a person in the world around us, and galvanize somebody into action. In modern society values serve as a sort of "control centers" of human behavior.

Social Reality is a continuous and tense interaction of objective, socio-economic and personal processes. To reflect this interaction as a reality, it is necessary to deal with those elements of consciousness, which is vitally linked to objective, at the same time live ac-

cording to the laws of personal peace. In addition to the perception (assessment) of reality, they are treated, above all life orientations, goals and values of the person's expectations, hopes, fears and readiness, evaluation of himself and his position in social world. Much less significant is what is called public opinion, i. e., ideological and political views, opinions, evaluations of other people, communities and social institutions. Finding the future, specific life goals, which can act as a guarantor of internal stability and independence of individual is possible when system that generates such purposes is "straight". We are talking about human system of values, which manifest themselves not only in his choice of its objectives but also to use them to their living resources (time, effort, money, information, relationship, relationships, etc.), in the choice of the ways of solution their life problems and issues in types of risk they elected, in selection of leaders and symbols. If the value system is working properly, effectively, human response to external, objective changes is not confined to the acceptance or rejection of the new reality, the new rules of the game [3].

Building a new system of values, giving the man vital reference points corresponding to its identity, guaranteeing him and adapt to changing conditions, and spiritual independence is hard work of individual. It is much more complex than it may appear, because the newly emerging system of values can be viable only if its new elements are more generalized than a substituted them. These last are not discarded, the "new" value includes "old" as a special case. The new system of values is not an alternative, it is not "the opposite" of the old, but more general [10].

2. Socio-cultural approach: the value as an element of a society's culture. Society is understood as a unity of culture and sociality formed and transformed by human activity. The specifics of socio-cultural approach are that it integrates in three dimensions of human life: person in interaction with society, nature of the culture, type of sociality. They are interrelated and are influenced by each other [7].

According to P. Sorokin value is a part of culture, socio-cultural cooperation structure has three aspects: 1) the person as a subject of interaction 2) society as a collection of interacting individuals with its socio-cultural relations and processes 3) culture as a set of values, values and norms that are owned by interacting face and a plurality of carriers that are objectified, socialize and reveal these values. P. A. Sorokin defined value as the highest embodiment of ethical consciousness of society. "Any company has integrated the ethical ideals and values as the highest embodiment of his ethical consciousness" [14]. According to T. Parsons value is an element of culture model [10]. V. P. Tugarinov noted that values "are the good things of life and culture of people of a certain class or society as a reality or an ideal" [2]. Values as an element of culture considered as P. Berger and T. Lukman [12]. F. Woods introduces the concept of "ultimate values" that are universal to all cultures and do not depend on the attitude of people towards them [18].

3. Values as a relationship to the studied parameters. In conceptual scheme of T. Parsons, the term actor (actor) means one who

commits an act, its subject. Modern interpretation of the concept of "actor" has a broader meaning: one who acts, who does this (analyzed, evaluated) action (or act) and, consequently, the actors are not only people, but also groups, communities and institutions. In terms of the value of this approach it is considered in modern researchers values of N. I. Lapina, L. A. Belyaeva, N. F. Naumova, L. M. Smirnova, B. C. Magun, I. G. Dubov and many others.

Results. Consider the results of a survey on the importance and the lost values, which when consolidated gender assessment, a quarter of respondents (23.5 % men and 26.6 % women) indicate the loss of traditional stability of the family while the family itself (as an absolute value) does not take into the list of priorities for higher positions. But "personal happiness in family" is unconditional leader in hierarchy of values, but also loss of this value fixed a small proportion of respondents (16.7 % and 13.5 %, respectively). The distribution of other values on indicators (gender or generation rate) is presented in Table 1.

Hierarchy and status of basic values

Table 1

Value	Indicator
1. Human life as a value itself	age
2. Freedom, in the modern meaning of the term as "freedom for"	age
3. Morality as a quality of human behavior in accordance with moral and ethical standards	gender
4. Personal happiness in family	gender
5. Work as a value itself	age
6. Work as a mean of income	gender
7. Well-being, income, comfort	age
8. Proactivity, entrepreneurship, ability to express themselves, to show up	gender
9. Traditionally, the promptness, dependence on the circumstances	gender
10. Independence, the ability to be an individual, followed by their own criteria, to withstand external circumstances	age
11. Authority as the ability to influence others, to exercise authority over them, to compete and succeed, to win	age
12. Legitimacy of a procedure established by the state, which ensures safety of individual, equality of its relations with other	age
13. Liberty as an archaic "freedom from" limits of the individual will, tending to permissiveness, but not identical to it	gender
14. Stability of traditional family	age
15. Mutual help from children (parents)	age
16. Intergenerational continuity, using the experience of previous generations	age

Analytical approach should be specified (corrected), which requires recognition of the fact that perception of significance (importance) and relevance (loss) of a value is based on not only static, but also dynamic variables, i.e., understanding the value of each individual in a generation, due to the complex and often integral factors. In other words, such as "happiness in the family" is defined in the ratio of "I" and "We", and therefore has a different motivation and behaviors in gender and age aspect [6].

Youth detects external threat from the government reforms in system of education and training under the influence of western ideology and political system. Older generation is more "cautious in their opinions", assuming that all of proposed options (reasons) are taking place in almost equal measures. However, such factors as social and economic reforms, Russia's entry into the world community (globalization), changes in educational system and upbringing, breaking bond between generations have more gender trim, others have age (generation) trim.

Perception of the world is recognized through the concept of "success in life", which is a comprehensive index, in which all determining factors hierarchically disaggregated.

Another confirmation of the "enduring" family values authors recorded in response to a question about the structure of success in life, when more than half of respondents from all age groups are appealing to the most important factor. What particularly interesting is that young people aged 15–17 years (85.7 %), appoints the family as a "support factor" and the same percentage assigns another factor – "to be a respected member of society." And if the first factor is gender, the second is generation.

Evaluation of a set of values using gender and age indicators allowed authors to determine direction and pace of rise/extinction of the importance of certain significant to respondent's perception of the sense of global consciousness. So "Confidence in the future" is dominant for nearly all respondents, with exception of age group 18–25 years, which

nonetheless marked it as important, but not the only value. "Wealth" in any of its interpretation is viewed with increasing effect depending on respondents age, and older age group 52 % said its unimportance and primacy (no gender differences). "Career, power" are essential for entering into professional life and respondents, although there is a slight rise of interest in the value of persons close to retirement age, probably due to purely economic prerequisites (size of pension content).

"Full unlimited freedom" is fixed in gender and generation trim and if in age aspect increase importance of this value comes to the middle age group (39.3 %), it is quite obvious that dominance was "set" by male part of population (41.3 % versus 27 % of women).

"Interesting work" as value is unique in that authors of the trim did not reveal either by gender or by generation features that might be interpreted from perspective of psychological approach: perception of the work (and workforce) as the micro society, embodies success and status of a person in a social environment that confirmed by results of a survey of related factor, which is "Respect for colleagues and surrounding people." That is why the work should be interesting to perform a central phenomenon in developed model of dissertation (recommendations, proposals).

Then answer is "stacked" in the outline of proposed by authors argumentation. So "Self-esteem", "strong family, good kids," "understanding in family" does not cause discrepancies among respondents. Trim grows in further comparisons. "Freedom of expression" is an age, though small, but fluctuations associated with extinction of significance of this value. "The desire for God, follow his commandments" is a very mixed reaction, as in youth and middle age groups there is an opinion as a "treat with contempt" and even importance of older group was observed in slightly more than half of respondents. Also range of estimates obtained in evaluation of indicator "Getting away from life as much pleasure" when high indifference recorded two polar age groups (15–17 year old and

second is 61 and older); gender differences are not significant. From the point of views of respondents authors concretize system problems due to differences in generation.

In answering this question it is a clear polarization monitored in methodological approach of respondents, as young "rely" on a different value system, and "old men" rely on difference in life experience and if the first put their judgment in formal (static) frame, latter put it into the process (dynamic), when young people are not "willing to listen and learn". This is a conceptual conclusion as differentiation is found on other aspects and prevailing intergenerational presets do not allow specifying and analyzing true causes of difficulties in co-generation. It is obvious that the problem is indicated in communicative exchange and difficulties in this area.

Majority represents satisfaction in relationships with parents, unanimous with some skepticism among very young (15–17 years). Relationship with older generation (grandparents) demonstrates increase in degree of dissatisfaction and depth of contradictions between particularly extreme generations. Reverse flow of information is relationship with children. In the same way we see relationships with friends.

Alignment level in relationship assessments with colleagues were observed in positions "fully satisfied" and "rather satisfied", while men are more favorable to their professional environment (gender setting).

More progress toward discontent was found on channels about social relations as a whole in today's society, when the film was translated from various sources, including media. At the same time, youth are more categorical in negative evaluations.

Modern Russian youth, according to most respondents, rough boorish, aggressive, spiritless, without any ideals, and, what is curious, are very young is even more categorical in self-esteem. It also indicates the presence of negative qualities as envy and malevolence, indifference, lack of will.

As a "counterbalance" (negative compensation) young marked: humor, vitality, interest for life and willingness to accept new.

Average age group has other priority characteristics. Given fact that average age group is the most professionally trained, socialized group, and offset estimates is quite logical and reasonable. Dominates energy, entrepreneurship and business skills, are also characterized by their responsiveness and willingness to help others. This indicates that there is effective communication channels to ensure the existence of a minimum number of communication channels to ensure continuity of transfer of manufacturing experience from "professionals" to "newcomers". With all of this, quality is more pronounced in women's behaviors.

In particular, older generation emphasis on the negative properties of this age group as misunderstanding and rejection of everything new. But this conservatism is not only understandable, but also natural. Illustrative is fact that such lack notice pensioners and people of pre-retirement age. Women are more aware of their technical and technological lagging behind the progress of social development, which is also understandable from the above presented analysis.

However, dominant moral qualities of the older generation should be recognized. Such qualities as decency, honesty, integrity are not in doubt in any groups. And to the less extent there are negative qualities that are prevalent among the younger generation.

Frequency of communication and its quality, thus, determine technological quality of relationship of generations and, in this case, fixing the direction of information channels is extremely important.

Frequency of contact with their parents decreases with age (this is obvious, because there is a natural outflow of the category). Communication with relatives on quality, quantity and need sharply increase in retirement age, which is also understandable and obvious. The same situation in dealing with children, though the need for it is more pronounced among female half of humanity.

Communication with neighbors and acquaintances has a cyclic expression, i. e., it is equally important for both 17-year-olds and 60-year-olds (gender dimension is weak).

Socializing with friends is, on the contrary, has no difference in gender, and age differentiation is weak.

Communication should also be identified in external environment, as a communion of priests with officials, party functionaries, other leaders and colleagues.

It is necessary to designate a certain randomness of such contacts. If we take into account limited circle of friends of each age group, we should assume minimal contacts of young with official representatives and clergy, and, on the other hand, limitations in communication of pensioners with work colleagues. By the way, this fact has expressed deepening professional conditionality "gap" between generations, because we are talking not only about frequency of contacts, but also about level of their content part. Accordingly, there is a discrepancy and information channels, and focus on quality (structure) of information flows.

Design your own future and the future of their country of residence are a characteristic which allows to identify the impact of positive and negative factors for each age group (generation), which can later be used as a secondary analysis when you select social development.

It must be assumed that the wording of the question itself and perception of the term "future" is associated with the quality of population and level of education (development) of youth. This evaluation process is refracted through the eyes of their own children.

In general terms, opinion of respondents coincide, indicating the presence of a single mechanism interpreting environmental data. Thus, according to the majority, it will increase the role of Russia in international arena, but influence of evolutionary trends of the west will have a significant distorting, leading to a growing pragmatism and widening gap in incomes of population. Decrease is expected in value of the family, partly because sooner or later, but same-sex marriages soon will be legalized, and this will affect transformation of fundamental functions of the family. Also there is a growing gap between generation, which caused by increased

pace of changes. There is also an alarming fact about radicalization of opinion of youngest part of respondents, where 57.1 % are probably objectively reflects existing positive and negative trends in their future position. Form of government, asking for respondents, helps to relate basic settings of different generational groups.

It should be noted that today there is no rational and practical need to find compatibility views and values of people of different generations from various age groups. It describes the process of interaction from the position of losing semantic values, cementing link between generations. There is conclusion about necessity of artificial adjustment mechanism of interaction, construction of some structures that affect terms of the inter-communicatory exchange.

Authors named the most significant reasons for such picture "of generations of separation from each other":

1. Acceleration of technological progress, which does not allow to issue (institutionalize) experience within a single generation, and repeatedly depreciating knowledge in the process of active labor.

2. Growing self-centeredness in understanding of roles and family values, leading to self-sufficiency and independence (moral, spiritual and material) of younger generations from seniors, that violated two basic principles of communicative exchange of generations – regularity and continuity.

3. Difference in life rhythms of generations' life, leading to a mismatch speed, content and set of information that occurs between generations, as well as differentiation of terminological apparatus.

4. Social and material stratification of society negates the quality of intergenerational cooperation, when success of life is seen through the prism of well-being, social and professional status, i.e., through the options that for the overwhelming majority of older generation are not typical.

5. Absence of systemic issues in ongoing government economic, social and legal reforms that lead to the loss of stability, stability of opinion within each generation,

which significantly increases the "gap between and within generations".

Discussion. In the world active discussion of theoretical issues of information society was held in late 1970s and early 1980s, when there was a so-called theory about information society, main provisions of which were [1]: 1) in order to replace capital self-expansion, there is a self-expansion of information which sharing leads to the development of new social relations, in which important thing is not property rights but right to use; 2) increase of speed and efficiency of information processing, in connection with a decrease in the cost of these processes has far-reaching social and economic consequences; 3) Information and communication technology is becoming a determining factor in social change, changing outlook, values, social structures.

In the scientific literature there are many different approaches to separation of different social types, different value orientations. A classic example of idealized typology is motivation typology of social action of M. Weber, F. Weinert considers ideal types of M. Weber as abstracted from empirical data [17]. The typological structure of M. Weber, E. Hagen prompted to construct ideal types "innovative person" as opposed to "traditionalists" (personality "authoritarian"). Authoritarian type formed in conditions of social stagnation, innovator – dynamic processes of modern societies [4]. Dichotomy characterizes their features (which are logically derived from theoretical analysis). Based on similar reasoning another researcher Alex Inkeles received a similar typology by empirical classification. Inkeles firstly operationalized properties of traditional and modern personality, then examined their relationship to large statistical studies in different European countries and "third" world, and then showed correlation syndromes sufficiently close to hypothetically given [5].

According to the author's thesis, construction of social and cultural patterns of value orientations with a specific socio-cultural code appropriate to apply the ideal-

typical approach. According to M. Weber ideal type is not a direct reflection of reality, but some thought-construction, some "utopia", which compares and contrasts fact, some "main hypotheses", a discrepancy or coincidence with reality that reveals causal relations development [16].

Modern authors of the study examined concept of social types. "Social type is the ratio of social group to social institution (population dynamics values in reformed Russia, 1996). This attitude is a decision (conservator type) or negative (progressive type) old social institutions, or adoption of existing economic and political denial or acceptance of political and economic denial. As any large critical era is associated with changes in social institutions and forms of social hierarchies of social groups, these social types (especially progressives and conservatives) are stable and repetitive but every time is new content in their social.

Author of dissertation in accordance with N. I. Lapin concept, comes to the conclusion that in conditions of transformation processes in society social types express and reflect social changes and processes significantly more contrast and certainly than do social groups. Social types do not exist outside and independent of real social groups (class, professional, regional, etc.). They exist only in composition of these groups, during their operation and development, as a certain social quality, which has a portion of (more or less) each specific social group. Conversely, social types have an integrating property and grant a set of characteristics of members of particular social groups. However, it should be noted that typology of conventional and boundaries of social groups, obtained on the basis of such concepts, are quite vague, which we saw in analysis of results of followers of N. I. Lapina school. However, it may be that in conditions of social transformation basis for other typologies does not allow to single out any clear and distinct trends, and therefore the study itself does not allow to make specific findings.

All typologies have common warping: economic axis from minimum to maximum

freedom of economic activity (from equality to inequality) and political axis from minimum to maximum freedom of political activity (from totalitarianism to democracy). Intersection of these axes gives the following types: 1) the type of egalitarian least, economic freedom; maximum political freedom; 2) a progressive type: maximum economic freedom maximum political freedom; 3) konsumist type: maximum economic freedom at least political freedom; 4) conservative type: a minimum of at least economic freedom of political freedom. Now there is a disintegration of the old social institutions and formation of new ones. Our study shows a stable orientation of some social types of democratic and civilized choice, other to the old social forms. Social type includes relation to three time vectors: past, present and future.

By themselves, these "phenomena" do not constitute a values (i.e. standards of consciousness and behavior), but the attitude to them is their approval or disapproval is made from the standpoint of a certain value system, host or rejects totalitarianism, either totally or partially. Value system is developed in family, all individual and social experience of individual. Due to the frequency and coincidence of these conditions occur the same name of value-regulatory system of mass social types that integrate individuals in groups of social consciousness, the same evaluating certain historical events and facts.

Conclusion. Summarizing the analysis of empirical data, it should be noted discovered patterns:

Firstly, social problems of life, perceived by all generations, is almost identical, and differences are caused by young radicalism and nostalgic memories of older generation. Gender differences are so insignificant that it is possible with some degree of generalization to talk about the same transformations of consciousness of men and women psychologically explainable dominance of each gender in the practice or sensory-emotional areas.

Secondly, the greatest pessimism is noticed in middle age group, i.e. professionally socialized part of population. Their negative

evaluation due to both technological factors (mode of operation, presence of chronic fatigue, monotony and so forth.) as well as psychological imbalances when achieving success in life depends on unstable external environment.

Third, authors confirm hypothesis of cyclical values and attitudes that characterize the problems of intergenerational interaction with communication products, not the age of contradictions as it is denoted in the notorious formula of "the conflict between fathers and children".

Fourth, authors fix basic values which a priori are accepted by all generations as "axial" (core) values, and even changing the priority rank in a particular age group. Among these values are family, who did not lose their positions, but has acquired new roles, including associated with symbolization of successful socialization of individual.

Fifth, efforts to "synchronize" the pace of life of all generations are destined to failure. That is why the current direction of improvement (adjustment) of inter-generational interaction, authors consider functional specialization of generations.

Bibliography

1. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. – N.Y. : Basic books, 1973. – 160 p.
2. Drobnitsky O. G. The world of animated objects. – M. : Science. 1968. – 380 p.
3. Dynamics of values of the population of the reformed Russia, 1996 / Ed. red. N. I. Lapina, L. A. Belyaeva. – M. : Editorial URSS. – 224 p.
4. Hagen E. On the Theory of Social Change – Homewood, II: Dorsey. Press. 1962. – 360 p.
5. Inkeles A. A. Model of the modern man. Theoretical and methodological issues // In Comparative Modernization / Ed. By W. Black. – N.Y. Wiley, 1964. – 310 p.
6. Khairullina N. G., Sadykova H. N., Ustinova O. V. Gadzhigasanova N. S., Tretyakova O. V. A study of ethnic, religious and socio-political relations in a provincial town // European Journal of Science and Theology. – T. 12. – № 4. – 2016. – C. 97–110.
7. Lapin N. I. Sociocultural approach and societal-functional structures // Sociological studies. – № 7. – 2000. – P. 3–11.

8. Lisowski V. T., "Fathers" and "children": for dialogue in relations // Sociological studies. – № 7. – 2002. – P. 111–116.
9. Luhmann N. The differentiation of society. – N.Y. : Columbia Univ. Press, 1982. – 370 p.
10. Parson T. The structure of social action. – M. : Academic Project. 2000. – 880 p.
11. Rickert G. Natural sciences and cultural sciences. – M. : The Republic, 1998. – 413 p.
12. Ritzer G. Modern sociological theory. – SPb. : Peter, 2002. – 688 p.
13. Rokeach M. The nature of human value. – N. Y. : Free Press, 1973. – 760 p.
14. Sorokin P. A. Human. Civilization. Society. – M. : Politizdat, 1978. – 543 p.
15. The basic values of Russians: attitudes, life strategies, symbols, myths, 2003. / Ans. Ed. Ryabov A. V., Kurbangaleeva E. Sh. – M. : Intellectual Book House. – 448 p.
16. Weber M. Selected works. – M. : Progress, 1990. – 808 p.
17. Weinert F. Weber's ideal types as models in social sciences // Social sciences and humanities domestic and foreign literature. Ser. 11, Sociology. – M., 1999. – № 1. – P. 15–17.
18. Woods F. Value-intuitive rational action: a dynamic relationship of instrumental rationality and valuable insights as a form of social action // Social and Human Sciences: domestic and foreign literature. Ser. 11. Sociology. 2003. – № 1. – P. 10–14.

© Sadykova H. N., 2017.

RULES FOR AUTHORS

Articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosfera@seznam.cz. Page format: A4 (210x297mm). Margins: top, bottom, right – 2 cm, left – 3 cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in bold capital letters; central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in English (600–800 characters) and a list of key words (5–10) in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliography comes after the text as a numbered list, in alphabetical

order, one item per number. References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable. The size of the article is 4–15 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume. The name of the file should be given in Russian letters and consists of the conference code and initials and family name of the first author, for example: SCH-German P. The payment confirmation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example SCH-German P receipt.

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proof-read and edited.

Information about the authors

Family name, first name

Title, specialization

Place of employment

Position

ORCID

Contact address (with postal code)

Mobile phone number

E-mail

The required number of printed copies

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Материалы представляются в электронном виде на e-mail: sociosfera@seznam.cz. Каждая статья должна иметь УДК. Формат страницы A4 (210x297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, e-mail, выравнивание по центру. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке, e-mail. В статьях на английском языке дублировать название, автора и место работы автора на другом языке не надо. После пропущенной строки следует аннотация на английском (600–800 знаков) и ключевые слова (5–10) на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Источники и литература в списке перечисляются в алфавитном по-

рядке, одному номеру соответствует 1 источник. Ссылки расставляются вручную. При необходимости допускают подстрочные сноски. Они должны быть оформлены таким же шрифтом, как и основной текст. Объем статьи может составлять 4–15 страниц. Сведения об авторе располагаются после текста статьи и не учитываются при подсчете объема публикации. Авторы, не имеющие ученой степени, предоставляют отзыв научного руководителя или выписку заседания кафедры о рекомендации статьи к публикации.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы. Имя файла, отправляемого по e-mail, иметь вид СЧ-ФИО, например: СЧ-Петров ИВ или SC-German P. Файл со статьей должен быть с расширением doc или docx.

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

ORCID (если есть)

Домашний адрес с индексом

Сотовый телефон

E-mail

Необходимое количество печатных экземпляров

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2017–2018 ГОДАХ**

Дата	Название
10–11 сентября 2017 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2017 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2017 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2017 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2017 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2017 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2017 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2017 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2017 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2017 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2017 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2017 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2017 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2017 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2017 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2017 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2017 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2017 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2017 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2017 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2017 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2017 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2017 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2017 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2017 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук
15–16 января 2018 г.	Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты
17–18 января 2018 г.	Развитие творческого потенциала личности и общества
20–21 января 2018 г.	Литература и искусство нового века: процесс трансформации и преемственность традиций
25–26 января 2018 г.	Региональные социогуманитарные исследования: история и современность
5–6 февраля 2018 г.	Актуальные социально-экономические проблемы развития трудовых отношений

10–11 февраля 2018 г.	Педагогические, психологические и социологические вопросы профессионализации личности
15–16 февраля 2018 г.	Психология XXI века: теория, практика, перспективы
16–17 февраля 2018 г.	Общество, культура, личность в современном мире
20–21 февраля 2018 г.	Инновации и современные педагогические технологии в системе образования
25–26 февраля 2018 г.	Экологическое образование и экологическая культура населения
1–2 марта 2018 г.	Национальные культуры в социальном пространстве и времени
3–4 марта 2018	Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы
5–6 марта 2018 г.	Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях
13–14 марта 2018 г.	Актуальные проблемы современных общественно-политических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты
15–16 марта 2018 г.	Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность
20–21 марта 2018 г.	Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика
25–26 марта 2018 г.	Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований
29–30 марта 2018 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия
5–6 апреля 2018 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
7–8 апреля 2018 г.	Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира
10–11 апреля 2018 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2018 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
20–21 апреля 2018 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2018 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2018 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2018 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2018 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
5–6 мая 2018 г.	Теория и практика гендерных исследований в мировой науке
7–8 мая 2018 г.	Социосфера в современном мире: актуальные проблемы и аспекты гуманитарного осмысления
10–11 мая 2018 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2018 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2018 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2018 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2017 г.	Профессиональное становление будущего учителя в системе непрерывного образования: теория, практика и перспективы
25–26 мая 2018 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2018 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
5–6 июня 2018 г.	Могучая Россия: от славной истории к великому будущему
10–11 сентября 2018 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2018 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2018 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2018 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2018 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2018 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования

5–6 октября 2018 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2018 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2018 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2018 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2018 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2018 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2018 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2018 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2018 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2018 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2018 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2018 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2018 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2018 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2018 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2018 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2018 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2018 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2018 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none">• РИНЦ (Россия),• Directory of open access journals (Швеция),• Open Academic Journal Index (Россия),• Research Bible (Китай),• Global Impact factor (Австралия),• Scientific Indexing Services (США),• Cite Factor (Канада),• International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия),• General Impact Factor (Индия),• Scientific Journal Impact Factor (Индия),• Universal Impact Factor,• CrossRef (США)	<ul style="list-style-type: none">• Global Impact Factor – 1,687,• Scientific Indexing Services – 1,5,• Research Bible – 0,781,• РИНЦ – 0,279
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none">• Research Bible (Китай),• Scientific Indexing Services (США),• Cite Factor (Канада),• General Impact Factor (Индия),• Scientific Journal Impact Factor (Индия),• CrossRef (США)	<ul style="list-style-type: none">• General Impact Factor – 1,7636,• Scientific Indexing Services – 1,04,• РИНЦ – 0,258
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none">• Research Bible (Китай),• Scientific Indexing Services (США),• General Impact Factor (Индия),• CrossRef (США)	<ul style="list-style-type: none">• Scientific Indexing Services – 0,72,• General Impact Factor – 1,5402
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none">• Research Bible (Китай),• Scientific Indexing Services (США),• CrossRef (США)	<ul style="list-style-type: none">• Scientific Indexing Services – 0,832
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none">• Research Bible (Китай),• Scientific Indexing Services (США),• CrossRef (США)	<ul style="list-style-type: none">• Scientific Indexing Services – 0,725
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none">• Research Bible (Китай),• Scientific Indexing Services (США),• CrossRef (США)	<ul style="list-style-type: none">• Scientific Indexing Services – 0,75
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none">• Research Bible (Китай),• Scientific Indexing Services (США),• CrossRef (США)	<ul style="list-style-type: none">• Scientific Indexing Services – 0,742

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- doi assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- присвоение doi,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.

SOCIOLOGIE ČLOVĚKA

Vědecký a analytický časopis

№ 3, 2017

Čtvrtletní

Šéfredaktorka – **Nursafa G. Khayrullina**

Názory vyjádřené v této publikaci jsou názory autora
a nemusí nutně odrážet stanovisko vydavatele.
Autoři odpovídají za správnost publikovaných textů – fakta, čísla, citace,
statistiky, vlastní jména a další informace.

Opinions expressed in this publication are those of the authors
and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.
Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures,
quotations, statistics, proper names and other information.

Redaktorka – I. G. Balašova
Korektura – Ž. V. Kuznecova
Produkce – G. A. Kulakova

Podepsáno v tisku 16.10.2017. 60×84/8 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavatelství 5,2
100 kopií.

VYDAVATEL:

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
IČO 29133947
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420773177857,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz